

Господин адвокат

Фридрих Незнанский

Кто есть кто

«Автор»

Незнанский Ф. Е.

Кто есть кто / Ф. Е. Незнанский — «Автор», — (Господин адвокат)

Подзащитная Юрия Гордеева ведет себя странно — утверждает, что она совершенно не та, за кого ее принимают. Или пытаются выдать?.. Кто и зачем засадил в тюрьму невинного человека — ответить на этот вопрос предстоит молодому адвокату. Конечно, с помощью своего наставника и друга, следователя по особо важным делам Александра Турецкого...

Содержание

Пролог	5
1	8
2	12
3	16
4	19
5	24
6	31
7	36
8	46
9	49
10	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Фридрих Незнанский

Кто есть кто

Пролог

Внизу в парадном громко лязгнула железная дверь. Донеслись какие-то голоса, смех, потом шумно разъехались двери лифта и сразу же закрылись. Дом снова погрузился в ночную тишину.

Раньше Вера Кисина не замечала этих звуков. Спала себе по ночам спокойно. Утром вставала, шла на работу, потом возвращалась, кормила Димку... Все вроде шло своим чередом.

Вера вздрогнула и проснулась от звуков, доносящихся с лестницы. Потом, проворочавшись примерно с час, осторожно, чтобы не разбудить сына, встала, накинула халат и вышла на кухню. Достала из шкафчика пузырек валерьянки. Накапала в стакан, разбавила водой из чайника и, поморщившись, выпила. Вернулась в спальню, опять легла. Но так и не уснула до самого утра...

О том, что произошло с ней неделю назад, она не говорила никому. И уж конечно не могла вообразить то, что произойдет дальше.

...После того как два раза она сбилась в передачах прямого эфира, Вера сама зашла к Пете Шовкошитному.

— Петрик, — когда рядом не было секретарши, она называла его старым тусовочным прозвищем, — я очень устала. Я два раза сбилась в прямом эфире.

Шовкошитный поднял глаза от своих бумаг:

— Я знаю.

— Дай мне отпуск.

Петя покачал головой:

— Верунчик, об этом не может быть и речи. Ты же знаешь, замены нет.

— Но я сбиваюсь, порчу эфир! — попробовала возразить Вера.

Шеф беспечно махнул рукой:

— Не бери в голову. Эти «милые шероховатости» зрители воспринимают очень хорошо. И потом, музыкальную программу для полуночников смотрят самые закаленные. Так что если ты чего-нибудь не то ляпнешь, это сойдет.

Вера потопталась на мягком ковре, устлавшем пол кабинета Шовкошитного.

— Но, Петрик, я действительно устала!

И тут, совершенно неожиданно и для себя, и для шефа, она расплакалась...

Только через несколько минут, всхлипывая и хлюпая носом, она взяла себя в руки. И хотя уже была готова рассказать Петрику все, остановилась. «Чего это я? Раскисла, расплакалась. Как не стыдно! Нет! А ну-ка возьми себя в руки!»

Она так и сделала, высморкалась последний раз в мокрый платок и сказала:

— Ты прав, Петрик. Не надо мне никакого отпуска.

— Вот и хорошо, — обрадовался Шовкошитный и снова уткнулся в свои бумаги. — Сегодня ночью эфир. Не забудь, Мышка.

Шовкошитный тоже время от времени называл ее старым прозвищем.

— Не забуду.

Однако в этот день полуночники так и не дождались своей любимой программы.

После разговора с Шовкошитным Вера шла домой с Шаболовки и снова в который раз вспоминала все, что произошло с ней в ту проклятую ночь.

...Как обычно, программа для полуночников заканчивалась в три часа ночи. Пока то-се — с Шаболовки Вера обычно выходила в четверть четвертого утра. До дома десять минут пешком. Она не боялась прохожих: в такое время даже самые отъявленные хулиганы, вылакав свое, уже спали мертвым сном. Вера шла домой, с наслаждением вдыхая свежий ночной воздух. Вот подъезд ее дома. Вера нажала пару кнопок металлической двери, когда на ее плечо легла чья-то рука.

Вера вздрогнула и резко обернулась. За ее спиной стояло трое. Черные кучерявые волосы, смуглые бородатые лица, поблескивающие зрачки...

— Что вам надо? — как можно спокойнее спросила Вера. Испуг хоть и похолодил спину, но еще не успел овладеть ею полностью. Она еще надеялась, что это какая-то ошибка.

Тот, который положил свою ладонь ей на плечо, обернулся к своим спутникам и что-то сказал, показав пальцем на Веру. Те закивали. Потом он, обращаясь к ней, произнес несколько коротких гортанных слов.

— Я...я не понимаю...

Она не успела договорить, как почувствовала страшный удар в поясницу. Вера не успела крикнуть, потому что на ее плечо обрушился еще один удар. Вера упала, но ее подняли и стали методично избивать. Били молча и профессионально — по ногам, спине, рукам, так, чтобы не нанести вред важным органам, и одновременно сделать как можно больнее. Через пять минут все кончилось. Вера съехала по стене на холодный асфальт. Послышались удаляющиеся шаги, потом донесся звук автомобильного мотора...

Кое-как добравшись до своей квартиры, Вера с трудом разделась и осмотрела себя. Руки и ноги были сплошь в синяках. На спине чернело несколько узких полос: видимо, били резиновой дубинкой. «Теперь в бассейн не пойдешь...» — пришла ей в голову глупая и совершенно несвоевременная мысль. Вера подвигала конечностями, потом, вспомнив навыки, полученные в медучилище, ощупала себя. Конечно, все тело жутко болело, но ни переломов, ни серьезных повреждений не было. На лице и ладонях не осталось ни царапины.

Конечно, Вера пошла на следующий день в поликлинику и, конечно, обратилась в милицию. И конечно, это не дало никаких результатов. Скучающий капитан, позевывая, выслушал ее рассказ и посоветовал по ночам не выходить из квартиры. Его можно было понять — ну не выставить же у Вериного подъезда теперь пост. С кем не бывает...

Самое главное, что и Вера поначалу решила, что ее избили обычные хулиганы. Хотя и странные какие-то — ни денег не взяли, ни сережек не сорвали. Не сделали кое-чего похуже, хотя запросто могли. Только избили.

Только на следующий день Вера обнаружила в кармане плаща, в котором она была той ночью, сложенный вчетверо листок. На нем шариковой ручкой было написано: «Это только задаток». Внизу было пририсовано что-то непонятное, отдаленно напоминающее лежащего волка или собаку.

— Какой задаток? — вслух спросила Вера. Ответить ей было некому.

Капитан в милиции без всякого интереса повертел бумажку в руках и вернул ее Вере.

— И что вы предлагаете? — спросил он.

Ничего существенного Вера предложить не могла.

С этого дня в ней поселился страх. Она стала плохо спать по ночам, вздрагивая от малейшего шума. Стала сторониться каждого человека азиатской наружности, попадавшегося на улице. И конечно, больше всего боялась за Димку. Может быть, впервые в жизни Вера почувствовала свое жуткое, беспросветное одиночество. Конечно, у нее были приятели, некоторых она даже могла назвать друзьями. Но у каждого были свои проблемы, своя жизнь. Конечно, ее выслушают, похлопают по плечу, повторят слова дежурного по отделению милиции: «С кем не бывает...» Ничего большего Вера не ждала. Поэтому и не стала никому рассказывать о происшедшем. Ходила как ни в чем не бывало на работу и пыталась забыть.

Но забыть не получилось. Вернее, не дали. Потому что спустя три дня вечером, когда Вера уже собралась на работу, зазвонил телефон.

— Да, — подняла трубку Вера.

— Слушай, — сказали в трубке с явным кавказским акцентом, — мы долго ждать не будем. Торопись.

— Что? — растерянно спросила Вера, но на другом конце провода уже положили трубку.

В тот день она сбилась во время прямого эфира...

...Вера шла домой с Шаболовки и вспоминала ту ночь. Прошла неделя. Синяки на ногах и руках начинали желтеть, и Вере опять казалось, что все происшедшее не более как случайность. И что больше ничего такого с ней не повторится.

У подъезда стоял желтый милицкий «воронок». Вера издали заметила фургон и вспомнила, что раньше между собой они называли их «упаковками». Однажды ей даже довелось прокатиться в «упакованном виде» в знаменитую «пятерку» — отделение милиции № 5 на Арбате...

— Добрый день, — перед ней стоял человек в мышинной милицеской форме, — гражданка Кисина?

— Да, я.

— Тут возникли некоторые вопросы. Вы не могли бы съездить с нами в отделение милиции?

— Это по поводу моего заявления? — догадалась Вера.

— Да, — кивнул милиционер, — это ненадолго.

Вера охотно села в машину. «Ну вот, — подумала она, — наконец-то и про меня вспомнили».

— А вы что, поймали бандитов? — спросила Вера у милиционера, который сел рядом с ней.

— Угу, — снова кивнул он.

Машина резко тронулась с места.

Милиционер полез в карман и достал розовую фланельку. Потом вытащил маленькую бутылочку, открыл пробку и, улыбаясь, вылил содержимое на фланельку.

В воздухе запахло эфиром.

— Что это? — спросила Вера.

Милиционер ничего не ответил. Аккуратно закрыв пробкой бутылочку, он внезапно и ловко приложил фланельку к Вериному лицу. Схватил ее за затылок и плотно закрыл ей нос и рот. Перед глазами все поплыло...

...Когда Вера очнулась, она увидела то, что, проснувшись, видят все люди, лежащие на спине, — потолок. Белый, покрытый известкой потолок.

— Очнулась, — донесся чей-то голос.

— Хорошо, приступим, — отозвался второй.

Вера не успела опомниться, как ее лицо накрыла какая-то маска.

— Считайте до десяти, — приказал кто-то.

«Раз, два, три», — покорно произнесла про себя Вера. И уже засыпая, она подумала, что больше всего это похоже на наркоз...

1

Александр Борисович Турецкий любил говаривать: «Хорошее настроение — самое важное качество для следователя». И был абсолютно прав. Впрочем, почему был? Он и есть.

Вообще-то я обычно просыпаюсь в прекрасном настроении. Причем в любую погоду. Дождь там, снег, метель, половодье — мне все равно. Ничто не может испортить моего замечательного утреннего настроения. Я просыпаюсь, радуюсь утреннему свету (более или менее яркому в зависимости от времени года), вскакиваю с постели, с удовольствием принимаю душ, вкусно завтракаю. Потом одеваюсь, выхожу из своего подъезда, с наслаждением вдыхаю утренний воздух, завожу машину и с охотой отправляюсь на работу, в юрконсультацию № 10 по адресу Таганская, 34. Туда, где я, Юрий Петрович Гордеев, работаю адвокатом. Еду на свою новую работу, которая мне очень нравится. Короче говоря, с утра у меня обычно замечательное настроение.

«Обычно», но только не сегодня. Стоило мне продрать глаза от противного жужжания электрического будильника, как в мою привыкшую к утреннему радостному оптимизму голову пришла совершенно нерадостная мысль. И настроение моментально упало. Вставать сразу расхотелось.

Мысль была короткая и состояла всего из одного слова: «Лазарук».

Кто такой Лазарук этот, объяснять, думаю, никому не надо. Любой мало-мальски интересующийся политикой гражданин нашей страны знает об этом типе даже больше, чем тот заслуживает. Однако для той, лучшей и, очень надеюсь, большей, части читателей, у кого фамилии, имена и отчества членов правительства и депутатов не вызывают абсолютно никаких эмоций по той простой причине, что они им неизвестны, проясню ситуацию.

Лазарук — это председатель одной политической партии, название которой, по сути, ничего не говорит. Маленькая партия. Однако председатель ее, который таки сумел пробраться в Государственную Думу, успел прославиться и сделать себе такую рекламу, что на следующих выборах он, чего доброго, не только опять попадет в парламент сам, но и притащит за собой целую команду своих сподвижников. Короче, за два года, прошедших с последних выборов, Лазарук времени зря не терял. То морду кому-нибудь набьет, то американский флаг у посольства на улице Чайковского сожжет. Ну, или просто начнет ругать матом с трибуны кого ни попадя. Словом, трудится не покладая рук. Разумеется, все это очень нравилось журналистам. А Лазаруку нравилось то, что им эти его выходки нравятся. Таким образом, он делал себе рекламу, или, выражаясь языком газетчиков, «наживал политический капитал».

О существовании Лазарука я, конечно, знал, но то, что мне придется с ним познакомиться, не могло присниться в самом страшном сне. Очень уж он был несимпатичной личностью, Лазарук этот.

Но, как говорится, человек предполагает, а Уголовный кодекс располагает. И в один не предвещавший ничего плохого жаркий день (в самом конце пыльного московского августа) ко мне подошел Генрих Розанов, заведующий нашей юридической консультацией. То есть мой непосредственный шеф.

— Маешься на приеме граждан? — спросил он, разглядывая какие-то бумажки на моем столе.

Дело было в конце моего дежурства, в течение которого я принял как минимум человек двадцать, выслушивал душераздирающие житейские истории, объяснял нюансы нашего несчастного законодательства и так далее. Если это можно назвать маетой... Однако с начальством лучше не спорить — это я усвоил еще с тех времен, когда работал под началом Александра Борисовича. Я имею в виду старшего следователя по особо важным делам Турецкого.

— Маюсь, — осторожно ответил я.

— Очень хорошо, — неожиданно обрадовался Генрих, — вот, чтобы ты не скучал, работенку тебе нашел.

Тут он как фокусник чуть ли не из воздуха достал папку «ДЕЛО» с сакраментальными ботиночными тесемками, положил мне на край стола и, вздохнув, молвил:

— Сам бы взялся, но... — Он подумал и закончил: — Времени нет. Так что ты, Юра, посмотри. Человек знатный...

Как вы уже, наверное, догадались, этим «знатным человеком» оказался не кто иной, как депутат Лазарук. Сначала я было обрадовался: дело обещало стать громким по той простой причине, что все дела, связанные с Лазаруком, оказывались громкими. Ну а раз дело громкое, значит, и фамилию адвоката, то бишь меня, нет-нет да и упомянут. Реклама!

Но, полистав дело, а потом и пообщавшись с Лазаруком, я понял, почему шеф, да, думаю, и все остальные адвокаты из нашей конторы, которые, ясно, были поопытней меня, не взялись за это дело.

Я вышел из подъезда в половине девятого, вдохнул свежего осеннего воздуха и прошлепал по лужам к тому старому куску железа, что я громко именую автомобилем. Хотя нет, напрасно я клевету: мой старичок бегал, несмотря на преклонный возраст, исправно и при случае мог дать фору иной новенькой иномарке. Конечно, если поставить новые свечи, заменить карбюратор, отладить коробку передач, перебрать двигатель... Я отогнал от себя эти бесконечные мысли и, отворив дверь моего железного друга, сел на потертый кожаный заменитель кресла.

Машина завелась с первой попытки, но даже это не могло повысить мое настроение. Сегодня мне предстояла встреча с Лазаруком.

Дело было провальное. То есть проигрыш можно записывать в свой актив прямо сейчас, даже без суда. Лазарук судился с неким Яковом Пенкиным, тележурналистом с «ТВ-7». Судя по всему, Пенкин этот был человеком неглупым, потому что во время одной из «акций» Лазарука, когда он перед «Макдональдсом» на Пушкинской площади ожесточенно топтал купленные только что гамбургеры, выкрикивая проклятия в адрес Билла Клинтона, Пенкин, который снимал происходящее, не выдержал и вполголоса назвал Лазарука «дебилом». Этот случай запечатлели на пленку множество камер, поэтому мне довелось наблюдать происшедшее сразу с нескольких точек. Пенкин ничего — ну сказал и сказал, выразил, так сказать, всеобщее настроение присутствующих. Гораздо интереснее было наблюдать за реакцией Лазарука. Он, услышав слово, произнесенное Пенкиным, застыл, остановился, насторожился, словно гончая, взявшая след. Мне даже показалось, что его уши заострились и сами собой повернулись в сторону тележурналиста. Сомнений в том, что Пенкин имел в виду именно Лазарука, быть не могло: «дебилов» среди присутствующих стояло не так много. На лице Лазарука заиграла довольная улыбка, он едва не поскользнулся на растоптанных гамбургерах. Потом, ругаясь последними словами, разъяренный депутат кинулся на Пенкина. Но сделал это так неуклюже, что наткнулся переносицей на объектив его камеры. Переносица не выдержала и треснула. Лазарук взвыл. Пока вызывали «скорую», накладывали гипс на нос депутата, Пенкин поспешно ретировался. Но не тут-то было. Лазарук не мог упустить такого замечательного случая устроить показательное выступление. Дальше все просто. Он подал на журналиста в суд за публичное оскорбление и членовредительство и приказал своему помощнику найти адвоката. На беду, у того в записной книжке оказался телефон Генриха Розанова. Ну, о том, как тот скинул это дело на мои плечи, я уже рассказал.

Самое главное, что в результате все оказывались в выигрыше. Лазарук, даже проиграв процесс, добивался своего, то есть скандала, поэтому-то адвоката он мог взять любого, хоть студента первого курса юрфака. Все равно выиграть этот процесс было невозможно. Пенкин — тот прославится как победитель склочного депутата. И только я оказываюсь в дураках. Проигранный судебный процесс — это, безусловно, пятно на моей адвокатской биографии. С другой стороны, отказаться я не мог: все-таки шеф есть шеф. Ну что ты будешь делать?

Подъезжая к консультации, я еще издали заметил длинное блестящее черное тело «мерседеса» Лазарука. И идти на работу мне окончательно расхотелось. За несколько встреч с Лазаруком я успел составить о нем самое негативное впечатление. Одно радовало — через неделю должен был состояться суд. Хотя, как я уже говорил, ничего хорошего лично мне он не обещал...

Пока я припарковывался, из радиоприемника донеслись сигналы точного времени. Девять часов. Значит, я хоть немного, но заставил ждать Лазарука. Эта мстительная мысль немного прибавила мне настроения.

Между тем по радио передавали ежечасную сводку новостей. Я уже собрался было вылезти из машины, как вдруг услышал следующее:

«По сообщению информационных агентств, на территории Чечни произошел очередной террористический акт. Позавчера, во время съемок широко разрекламированной пресс-конференции ряда правительственных чиновников Ичкерии о «новом взгляде на место Чечни в международном сообществе», проходившей в городе Халкилой, был похищен корреспондент телекомпания «ТВ-7» Яков Пенкин. Очевидцы утверждают, что к стоящему у дома, где проходила пресс-конференция, журналисту подъехала машина, из нее вышли несколько человек и, затолкав Пенкина в кабину, увезли его в неизвестном направлении. Оперативные действия чеченской милиции результатов не дали. Министр безопасности Чечни Шургат Алироев заявил, что данный инцидент, по его мнению, организован «силами, заинтересованными в дестабилизации обстановки на Северном Кавказе», и намекнул, что такими силами могут быть спецслужбы России. Секретарь Совета Безопасности России Иван Птицын выразил надежду, что очередное похищение журналиста не помешает нормальному переговорному процессу между представителями российского правительства и чеченского руководства. Напомним, что это уже четвертый случай похищения людей в Чечне с начала года...»

Вот это новость! Интересно, истец уже знает о похищении своего ответчика или нет? В таком случае я буду первым, кто сообщит ему эту приятную новость. То есть для самого Лазарука новость совершенно неприятная.

Я вошел в подъезд, неторопливо поднялся в свой кабинет и открыл дверь.

Мощная фигура Игоря Сергеевича Лазарука заслоняла почти все окно, из-за чего в моем крохотном кабинете было совсем темно. Депутат стоял скрестив руки и, как Наполеон, созерцал окрестности. В углу на стуле устроился телохранитель такого же крупного телосложения. И не отрываясь наблюдал за своим шефом.

Услышав за спиной стук двери, оба обернулись.

— А-а, — радостно раскинул руки в стороны Лазарук, — здравствуйте, Юрий Петрович. Я поздоровался с ним и уселся за стол. Лазарук тут же подсел ко мне.

— Ну что, дадим жару этому... — он нецензурно выругался в адрес Пенкина.

Я вздохнул, изображая неизбежную печаль:

— Боюсь, Игорь Сергеевич, Пенкину дадут жару и без нас.

Лазарук непонимающе уставился на меня:

— Как это?

— Вы новости не слышали сегодня?

— Так, краем уха. А что?

— Якова Пенкина похитили в Чечне.

Надо было видеть лицо Лазарука в этот момент. Из оптимистично-боевого оно вдруг стало злым и даже каким-то свирепым.

— Что-о-о?

Я сокрушенно развел руками:

— Только что передали по радио. Похищен наш ответчик.

Лазарук замолчал и надолго задумался. Я понимал, что за мысли вертятся в его голове. С похищением Пенкина рейтинг журналиста резко повышался. Теперь, когда он вернется из чеченского плена (если вернется, конечно), то ореол мученика ни в коем случае не даст Лазаруку никаких шансов. Которых, впрочем, у него и так не было. Но теперь Лазарук мог, и серьезно, потерять очки в результате этого процесса. Вот он и прикидывает, как бы ему выпутаться из этого положения.

— Ну ладно, — сказал он в конце концов, — значит, у нас есть время для того, чтобы еще лучше построить обвинение.

— Боюсь, у нас теперь слишком много времени, — заметил я.

— Угу, — кивнул Лазарук, — они скоро не выйдут...

Распрощавшись с Лазаруком, я почувствовал себя гораздо лучше. Кто знает, может, мне удастся как-нибудь улизнуть от этого процесса.

Я уже было собрался приступить к обычному приему посетителей, когда в дверь вошел Генрих Розанов.

— Ну как? — кивнул он в сторону двери.

Я махнул рукой:

— Пенкина вчера похитили. Так что...

— Ага, — произнес Генрих Розанов, — а у меня тут как раз к тебе еще одна просьба. «Знаю я эти просьбы», — сказал я про себя. Но разве можно перечить начальству?

— Я вас слушаю, Генрих.

— Тут Валера Барщевский заболел. В больницу лег.

— А что с ним?

Генрих пожал плечами:

— Не знаю. Но вроде что-то серьезное. Почки или печень. Короче говоря, на нем осталось одно дельце.

Ну так я и знал! Он хочет повесить на меня чужое дело! А ведь хуже нет, как доканчивать начатое кем-то дело.

Розанов положил мне на стол адвокатское досье.

— Дельце плевое. Ерунда, короче. Я думаю, ты с ним быстро развяжешься.

— Я надеюсь, депутаты или члены правительства не замешаны? — осторожно спросил я, показывая на папку.

Розанов повертел своей маленькой головой:

— Да нет. Мелкое дело. Злостное хулиганство и сопротивление работникам милиции.

Я облегченно вздохнул и стал вчитываться в адвокатское досье, составленное Валерой Барщевским, которого я хорошо знал — он работал в нашей консультации.

2

Яша Пенкин укрепил свою камеру на штативе и, заглянув в окуляр, убедился, что все четверо чеченцев в одинаковых высоких серых барашковых папах, с умным видом восседающие за столом, попадают в его объектив. Потом включил запись и покинул импровизированный конференц-зал с банальной целью отправления естественных надобностей.

Он по опыту знал, что подобные мероприятия (в смысле пресс-конференции, конечно) — дело отнюдь не пяти минут, а значит, есть время покурить на свежем воздухе, составить примерный план дальнейших действий и вернуться как раз к самому интересному.

А не успеет, так и Бог с ним: камера-то свой пост не покинет. Она сама по себе работает, без его участия.

Его сейчас волновал совсем не очередной «новый» взгляд чеченских оппозиционеров на место свободной Ичкерии в мировом сообществе (именно так звучала тема пресс-конференции), а гораздо более прозаическая проблема: где найти могилу чеченца лет пятидесяти, умершего примерно в одно время с Джохаром Дудаевым? Могилу если не заброшенную, то, по крайней мере, не посещаемую родственниками, желательно подальше от посторонних глаз и лучше бы не в горах — там сплошные камни, саперной лопаткой много не накопишь.

Пресс-конференция проходила в Халкилое, и еще утром на подъезде к городу он заметил из окна запыленной «Нивы» вполне подходящее старое кладбище на окраине. Пожалуй, стоит вечером туда наведаться и провести рекогносцировку.

Вытирая руки вполне европейским бумажным полотенцем у грязной раковины во дворе дома, он продолжал размышлять о своем.

— Пенкин?! — кто-то окликнул сзади.

Он повернулся на незнакомый голос и совершенно неожиданно носом налетел на столь же незнакомый кулак. Последнее, что он успел увидеть, была бородатая смуглая физиономия, причем тоже абсолютно незнакомая. Впрочем, убедиться в этом ему не дали. Второй кулак точно так же стремительно опустил на темя, и Яша Пенкин погрузился в глубокий здоровый обморок.

Никто и не заметил, как через заднюю дверь аккуратно выносят тело, в сущности, молодого еще человека с черными, почти как у чеченца, слегка вьющимися жесткими волосами, мелкими чертами лица, узкими губами и двумя горбинками на тонком носу, невысокого и не слишком толстого — словом, обыкновенного человека. В Чечне не принято интересоваться, кого и куда несут среди бела дня. Несут, — значит, надо.

Его засунули в заляпанную грязью «Ниву». Туда же забросили его камеру, все еще привинченную к штативу.

Говорят, что обморок только тем и отличается от сна, что человек, в нем пребывающий, лишен сновидений. Тем не менее Яков видел сон. А может, и не сон.

Возможно также, что не избалованный особым вниманием мозга организм почувал приближение смертного часа и решил по старой доброй традиции прокрутить перед мысленным взором Яши всю его недолгую, но зато вполне насыщенную разнообразными событиями жизнь.

Яшке Пенкину, как герою русских сказок, многие вещи удавались лишь с третьей попытки. С третьего захода он поступил на операторский факультет ВГИКа. Продержался три курса и с третьей повесткой из военкомата ушел-таки в армию. То ли как злостный уклонист, то ли по воле случая в мае восемьдесят седьмого он угодил в Афганистан.

В первое же воскресенье рядовой Пенкин в качестве эксперта по телеаппаратуре сопровождал комбата, отправившегося в Кабул к какому-то знакомому спекулянту за видеокамерой. Зачем она ему понадобилась, только ему, комбату, известно. То ли его поразили красоты близлежащих гор и он решил запечатлеть их на долгую память, то ли просто, изнывая от вынуж-

денного безделья, он решил развлечься. Яшу, однако, это не интересовало. Словом, сделка в финансовом отношении майора удовлетворила, и он в состоянии легкой эйфории немедленно пожелал прослушать экспресс-курс операторского мастерства.

После десяти минут учебных съемок на живописных и практически безлюдных задворках встречный оборванный подросток с большим интересом оглядел камеру и, приятно улыбувшись, бросил им под ноги гранату РГД-5. А сам, словно джинн, растворился в воздухе.

Командира, старого вояку, серьезно ранило. А вот рядовому Пенкину повезло, камере — тоже. На взрыв немедленно подоспел патруль, и тут же началась стрельба. Подросток оказался не бомбистом-одиночкой. Из близлежащих кустов сразу же появилось полтора десятка басмачей.

Пенкин, вместо того чтобы залечь на землю, вскарабкался на дерево и героически снял завязавшийся бой. Причем он оказался единственным человеком, видевшим обе противоборствующие стороны: и наши, и «духи» палили в основном вслепую. Последней шальной пулей его ранило в живот, с дерева он свалился, но камеру не разбил. Упал на спину, самоотверженно держа ее на вытянутых руках. Причем, как выяснилось позже, он спасал не только имущество части...

Вместе с комбатом Пенкина отправили в Ташкент, в госпиталь. С камерой он не расстался, так и оставил ее у себя, благо комбат от расстройства чувств совершенно о ней позабыл..

В Афган Яша уже не вернулся, а получив после ранения отпуск и разыскав корпункт CNN, продал кассету с кабульской стрельбой и ранеными, которых он втихаря снимал в госпитале, за целых пятьсот баксов. Так Пенкин ступил на свой тернистый путь и стал профессиональным вольным документалистом-баталистом.

В Чечню Яша впервые попал осенью девяносто первого. К этому моменту он успел помелькать в горячих точках, не стяжав, впрочем, славы всесоюзного обличителя и правдолюбца. Но зато заполучил контракт ни много ни мало на двадцать тысяч фунтов с одной британской телекомпанией на съемки сенсационного документального фильма о торговле оружием.

Дело было так.

В Чечне служил его старый друг, он был капитаном, командиром роты. С огромным трудом Пенкин уговорил приятеля принять участие в деле, изведя при этом изрядное количество спиртного и отстегнув ему три тысячи долларов, якобы половину гонорара. Они засняли ночную сцену выноса со склада ящиков с автоматами и патронами и передачу их двум местным мафиози — в действительности местным прапорщикам с клееными бородами в черных очках и камуфляже. Прапорщики, которым предварительно налили по стакану водки, играли блестяще — размахивали руками, трясли бородами, ругались на непонятном языке — ни дать ни взять чеченские мафиози. Все прошло замечательно, англичане, отсмотрев материал и брезгливо поморщившись при виде «торговцев оружием», без звука отстегнули обещанные деньги.

С тех пор Яков продолжал в том же духе на той же стезе, снимал то здесь, то там, более или менее удачно, но поднять планку творческих успехов до уровня Чечни девяносто первого пока не удавалось.

Официальной причиной его нынешнего визита в Чечню было освещение пресс-конференции оппозиционного теневого кабинета министров, сформированного совсем недавно, но уже рьяно желающего занять место кабинета действующего, но, по мнению оппозиционеров, ведущего республику не той дорогой. Яшу, однако, все это интересовало мало.

На самом деле ему предложили восемьдесят тысяч фунтов за доказательства того, что Дудаев на самом деле жив, а в могиле похоронен совершенно другой человек. И Яша ничтоже сумняшеся отправился добывать доказательства. План был прост. Он пробирается к могиле Дудаева, снимает ее на видео при свете дня, затем ночью возвращается на якобы то же самое

место, раскапывает могилу, извлекает часть скелета или хотя бы клочок волос, закапывает все обратно, разумеется запечатлевая все с помощью камеры.

Как англичане будут проводить сравнительный анализ ДНК, это уже не его забота, раз поступил такой заказ, значит, у них такая возможность есть.

Яша не считал себя лжецом, скорее мистификатором, фокусником. Люди любят сенсации, они готовы платить за них. А если есть кто-то, кто готов платить, товар найдется все непременно. И, как правило, предложение всегда превышает спрос.

Конечно, Яша еще не окончательно сошел с ума, и жизнь ему, несомненно, была дороже денег. А посему он совершенно не собирался копать на настоящей могиле Джохара. Ибо кроме риска быть пойманным и расстрелянным на месте за осквернение могилы «пророка» существовала вполне реальная возможность, что в земле лежит (вернее, по мусульманским законам сидит) действительно вождь чеченцев, и тогда... плакали Яшины денежки. Главное, чтобы могила была мусульманской и ландшафт не слишком отличался от реального. Впрочем, ночные съемки, даже через самые светочувствительные фильтры, не позволят уловить детали пейзажа. Оставалось только дожидаться ночи.

...Когда к Яше вернулось сознание, он сообразил, что лежит на полу какой-то трясущейся на ухабах машины. На его голову был надет достаточно пыльный мешок, а на грудь давили два тяжелых ботинка. Череп буквально раскалывался. Дышать было нечем. Яша осторожно пошевелил руками, потом ногами — все цело. Его даже не связали.

Сидевший сверху пнул Яшу каблуками:

— Тыхо!

Кто-то на переднем сиденье неопределенно хмыкнул, и снова воцарилось молчание. Даже сквозь пыльный мешок Яша отчетливо ощущал стойкий запах пота и оружейной смазки.

Кто эти уроды и куда его везут? Он осторожно пошарил руками вокруг в поисках какого угодно орудия самообороны, но движение не осталось незамеченным — ботинок ощутило пнул его в живот.

Ехали долго. Вначале довольно ровно, а потом вдруг резко свернули вправо, и машина запрыгала на ухабах и кочках.

Остановились. Хлопнули передние дверцы, и Яша услышал, как заскрипел гравий под тяжелыми шагами. Сидевший сверху остался на месте и только приподнял ноги, когда кто-то схватил Яшу за щиколотки и поволок из машины. Он попытался сгруппироваться, но плечи пребольно ударились о каменистую землю — хорошо, хоть голову уберег. Двое подхватили его под мышки и потащили. Загремела цепь, скрипнула какая-то дверь, и на Яшу пахнуло запахом прелой травы и лежалой шерсти.

Его втокнули внутрь и, прикрыв дверь, наконец сняли с головы мешок. Яша ждал хоть каких-нибудь объяснений и даже открыл рот, чтобы задать вопрос, но не успел: здоровый бугай в камуфляже и зеленом платке от всей души заехал ему кулаком прямехонько в солнечное сплетение. Яша сложился пополам, судорожно хватая ртом воздух. Бугай удовлетворенно ухмыльнулся и, смачно сплюнув, удалился, так и не сказав ни слова. Снова загремела цепь.

Пенкин без сил повалился на пол. В голове было пусто.

Вдруг откуда-то из глубины сарая послышался шорох соломы и чьи-то осторожные шаги. Яков выставил вперед кулаки с намерением на сей раз постоять за себя. Но к нему медленно двигался парень, даже отдаленно не напоминающий чеченца.

В сарае стоял полумрак, и все же света, который пробивался сквозь щели в стенах, было вполне достаточно, чтобы рассмотреть, что парень — худющий высокий блондин с длинными, почти до плеч, прямыми волосами в круглых очках, которые, за отсутствием дужек, держались на веревочке, завязанной вокруг головы. На нем были грязные голубые джинсы и когда-то, видимо, белая ветровка.

— Не бойся, я есть хороший. — Он говорил полушепотом и с сильным акцентом. — Я хочу вам помогать.

— Ты кто? — еще не совсем оправившись от шока, поинтересовался Яков.

— Вильгельм Отто. Миссия ОБСЕ, врач-эпидемиолог. — Он протянул руку. — Я есть приехал из Германия изучайт обстановка с болезни у чеченский дети.

— Ну и как, болеют? — ни к селу ни к городу спросил Яша. Он не совсем понял, как же его все-таки зовут — Вильгельм или Отто, но переспрашивать не стал.

Немец не почувствовал иронии и на полном серьезе принялся объяснять:

— Я не успел составить целная картина...

Пенкин сочувственно покачал головой.

— Пенкин. Яков. Журналист. — Яша с трудом поднялся, опираясь на руку обэсешного немца. — Я бы сказал, очень приятно, но место не слишком располагает к приятным знакомствам.

— Извините, я не очень хорошо понимаю. Что есть «не очень располагает»?

— Местечко, говорю, хреновое.

— Was is das «chrenovoje»? — тут же транскрибировал для себя незнакомое слово немец. Яша только махнул рукой:

— Ты-то как здесь оказался?

Немец провел Яшу в глубь сарая, где на куче прелой соломы лежали две овечьи шкуры — его постель. Рядом стояла глиняная миска с остатками малоаппетитной на вид ноздреватой лепешки и позеленевший медный кувшин с водой.

— Нас было четыре. Три есть тоже врачи и один шофер, — начал он свое повествование нудным монотонным голосом.

Яша схватил кувшин и жадно припал к горлышку: после путешествия с мешком на голове его мучила жажда.

— Nein! — Немец бросился отнимать кувшин. — Гепатит! Вирус! Вы получаете сильный заболевание желудочно-кишечный тракт! Вода не есть кипятить.

— Да не волнуйся ты так, — остановил его Пенкин, выливая в себя последние капли. Вода действительно была гадкая и откровенно воняла тухлой рыбой. — Мы привычные. Ты рассказывай.

Немец сокрушенно покачал головой:

— Авто сломался, я ходил искать помощьч. Шел сюда. Просил машина. Они смеялся. Иди, говорит, в сарай. Там есть машина. Я ходил. Они закрывают дверь. И еще смеялся. Я сижу в этот сарай тридцать и еще семь день. Машина нет. — Он опять покачал головой и оглянулся по сторонам, словно все еще надеясь найти в сарае обещанную веселыми чеченцами машину.

Яша понимающе кивнул, потом подошел к стене и через щель между плохо пригнанными друг к другу досками выглянул наружу.

Сарай стоял на самом краю деревни, у подножия поросшей кустарником горы. Начинало смеркаться. У стены бродила всклокоченная коза с колокольчиком на шее и сломанным прямым рогом. Она задумчиво жевала клоч травы и вяло помахивала куцым хвостиком. Яша переместился к противоположной стене — метрах в двадцати большой каменный дом, окруженный ветхим забором. Во дворе старик в папахе и голый по пояс свежевдал барана. Поодаль о чем-то оживленно беседовали семеро боевиков в камуфляже с автоматами за плечами. Подъехал автобус. Чеченцы погрузились и отъехали. Старик помахал им вслед окровавленным ножом.

«У них что, опять война? И опять с нами? — удивился Яша. — Может, стоило послушать, о чем они там, на пресс-конференции, вещали. Заодно и не вляпался бы...» — пришла ему в голову запоздалая мысль...

3

Собственно говоря, изучать было почти нечего. Барщевский аккуратно и педантично скопировал, по всей видимости, большинство документов, которые находились в деле. Постановление о возбуждении уголовного дела в отношении некоей Зои Удоговой 1965 года рождения. Акт о совершенном правонарушении. Протокол допроса. Постановление о заключении под стражу. Из всего этого следовало, что Зоя Удогова в нетрезвом виде нанесла увечье постоянному милиционеру, а затем, когда тот вызвал по радиации наряд милиции, оказала им сопротивление и тоже нанесла увечья. После чего ее доставили в отделение милиции а потом препроводили в Бутырку. Где она до сих пор и находится. Короче говоря, обычное дело о нарушении правопорядка. Удогова — пьяница и хулиганка (конечно, исходя из милицейского протокола). Хотя с маленькой фотографии, приклеенной в верхнем углу, на меня смотрело довольно милое женское лицо. Смущало и место работы — Центробанк. С другой стороны, фотография могла оказаться старой, а в Центробанке запросто могли служить и хулиганы. Обвинительное заключение составил некий следователь Кулешов из Следственного комитета МВД. Грозил ей немного — год-два, из которых она уже шесть месяцев отсидела. Удивило меня только одно: в деле имелось ходатайство об изменении меры пресечения — адвокат ставил вопрос об освобождении заключенной под личное поручительство и под залог. Барщевский подал его две недели назад. Однако через день после подачи он отозвал его обратно. Почему — непонятно. Завершала досье медицинская справка о том, что Барщевский временно нетрудоспособен и нуждается в стационарном лечении. Видимо, после этого суд и обратился в нашу юрконсультацию с требованием о выделении нового адвоката взамен заболевшего Барщевского.

Я решил отправиться в суд, где рассматривалось дело Удоговой.

После недолгой волокиты в канцелярии мне выдали уголовное дело и я смог убедиться в том, что Валера Барщевский действительно старательно выписал для досье все документы. Так что ничего нового для себя я не нашел. Кроме одного странного обстоятельства. Барщевский буквально перед своей болезнью опять заявил об изменении меры пресечения. Очень странно. Зачем тогда надо было его отзывать? Непонятно.

Однако о том, как именно надо строить защиту, в адвокатском досье не было ни слова. Это тоже было странно. Барщевский вел защиту около месяца. Он должен был хотя бы в общих чертах набросать план, отметить, какие аргументы есть у защиты, то есть у него, а теперь у меня. Может быть, эти записи остались у него?

Я набрал домашний номер телефона Барщевского.

«Здравствуйте, с вами говорит автоответчик. Если вы хотите оставить сообщение, говорите после звукового сигнала. Спасибо», — ответил мне из трубки голос Барщевского.

Ах да, он же в больнице! Надо будет выяснить в какой.

Я некоторое время поразмышлял о своих последующих действиях. Конечно, дельце плевое. И практически ничего не обещающее. Скажите на милость, как можно защищать человека, который пробил милиционеру череп в пьяном виде? Нападение на блюстителя порядка — это вам не шуточки. Пожалуй, это одно из немногих правонарушений, за которое у нас карают скоро и эффективно. Как это ни печально, себя самое наша милиция бережет лучше всего...

Однако возвращаться в родную юрконсультацию у меня не было ни малейшего желания. И я зашел в канцелярию суда, получил разрешение на свидание с заключенной и поехал в Бутырку. Посмотреть своими глазами на эту хулиганку.

Через полтора часа я уже сидел в душном и мрачном кабинете следственного корпуса Бутырской тюрьмы и ожидал Зою Удогову.

Лязгнула и открылась дверь. Молодой контролер, убедившись, что я нахожусь в комнате, встал боком и сделал головой движение, которое могут делать только тюремщики, — вроде бы ничего такого, приглашение в комнату, а все-таки чувствовалось в этом движении подбородком что-то презрительно-высокомерное. И чувствовал это прежде всего заключенный. Чувствовал и понимал, что здесь, в этих стенах, ни он, ни его несчастная жизнь не представляет ровно никакой ценности и полностью зависит от вот этого движения подбородка.

Как я уже говорил, фотография Удоговой в деле имелась. Но углядеть сходство между женщиной, которая вошла в комнату, и изображенной на фотографии было невозможно. С фотографии смотрела улыбчивая блондинка с большими темными глазами и пухлыми губами. В дверной же проем вошло невысокое существо с лицом землистого цвета, взлохмаченными стриженными волосами, каким-то безумным взглядом воспаленных глаз. Под правым глазом желтело пятно — явно последствия синяка. Одета она была в грязный, кое-где порванный, застиранный до невозможности больничный халат. Словом, мои предположения оказались правильными — передо мной стоял типичный деклассированный элемент.

— Здравствуйте.

Она кивнула. Я жестом пригласил ее сесть. Она, прихрамывая, подошла к тюремному табурету и тяжело опустилась на него. Села и уставилась на меня пустым и безнадежным взглядом.

— Меня зовут Юрий Гордеев. Я ваш новый адвокат. Вместо Валерия Барщевского.

В глазах Удоговой появился вопрос.

— Какой Барщевский? — устало спросила она.

Вот те раз! Неужели Валера ни разу с ней не разговаривал?

— Вы не встречались с ним?

— Нет.

Я подумал и решил, что это даже к лучшему.

— Ну что ж. Ничего страшного. Я буду вас защищать.

Она кивнула:

— Сделайте милость.

Я пропустил это мимо ушей.

— Итак, Зоя Умалатовна...

— Я не Зоя, — еле слышно произнесла Удогова.

Я открыл папку с адвокатским досье и снова заглянул в анкетные данные. «Удогова Зоя Умалатовна» значилось там. Никакой ошибки.

— Позвольте, я что-то не пойму. Вас зовут Зоя Удогова?

— Нет.

Может быть, она к тому же еще и сумасшедшая?

— Кто вы, в таком случае, — терпеливо спросил я.

Она тяжело вздохнула.

— Вы все равно не поверите.

«Сейчас скажет, что она Мэрилин Монро», — подумал я.

— Ну я постараюсь, — сказал я вслух.

— Меня зовут Вера Кисина.

— Как?

— Кисина. Вера. Я ведущая музыкальных программ на телевидении.

Ну вот. Я же говорил!

— Почему же в вашем следственном деле сказано, что вы Зоя Удогова. Работник Госбанка?

Она изменилась в лице:

— Как вы сказали? Работник Госбанка?!

— Да...

Она вдруг закрыла лицо руками и заплакала навзрыд. Сквозь всхлипывания я расслышал только что-то типа «я так и знала... все сходится».

Я бросился к графину с водой, плеснул в стакан и протянул его своей подзащитной. Сделав несколько глотков, она вроде успокоилась. От слез на ее лице остались только грязные разводы.

— Ну, — сказал я, намереваясь зайти с другого конца, — а теперь расскажите, как получилось, что вы напали на милиционера?

— Ни на кого я не нападала. Вы что, сами не видите, что я на такое не способна?

Действительно, представить, что она напала на сотрудника милиции, каким бы хилым тот ни был, да еще нанесла ему «телесные повреждения средней тяжести» представить было трудно. Хотя, за полгода, проведенные в Бутырке, она могла сильно измениться. Тюрьма еще не такое делает.

— В таком случае, как вы попали сюда?

Она пожала плечами:

— Не знаю. Меня посадили в машину. Потом держали в какой-то больнице. Потом сунули сюда...

Я вздохнул. Судя по всему, она была в глубокой «несознанке». Хотя смысла никакого в этом я не видел: развернутые показания она дала, следовательно все тщательно внес в протокол допроса обвиняемой. Впрочем, Турецкий говорил, что некоторые преступники отрицают все и вся просто так, из любви к искусству. Очень сильно в них чувство противоречия. И таких ничем ни уговорами, ни пресловутым утверждением о том, что «чистосердечное признание смягчает вину», не проймешь. Они будут до конца упорствовать и утверждать, что молоко на самом деле черное, а Волга впадает в Северный Ледовитый океан.

— Послушайте. Я ваш адвокат. И я должен вас защищать на суде. Поэтому, Зоя Умалатовна...

— Я не Зоя!!! — вдруг заорала она и опять зарыдала.

На крик вошел дежурный. Я сделал ему знак, и он удалился.

Вдруг она остановилась и сказала:

— Я прошу вас об одном. Узнайте, где мой сын. Что с ним. Дима Кисин. Я его не видела полгода. И не знаю, что с ним. Умоляю вас.

В ее голосе было столько муки, что даже камень сжалился бы над этой бедной женщиной и помог.

Вконец растерявшись, я воскликнул:

— Я ничего не понимаю! Вы можете мне толком все объяснить?

4

Стемнело. Яков нацарапал на стене третью черточку, символизировавшую окончание очередного дня плена. Вилли сидел в уголке и свистел в маленькую дудочку. Он вообще целыми днями только тем и занимался, что спал, пел что-то на немецком или дудел, что откровенно действовало Яше на нервы.

Яша попытался уснуть. Он так до сих пор и не понял, зачем его похитили. Каждый день, видимо в качестве послеобеденного моциона, в сарай являлся тот самый бугай, который привез его сюда, и, приставив Якова к стенке, методично и, главное, молча избивал. При этом немца никто и пальцем не трогал. Пару раз Яша попытался вступить в бой, но силы оказались слишком неравными. Если это месть за то, что он проявлял повышенный интерес к могиле Дудаева, то выглядит она несколько странной. Чеченцы, как известно, славятся горячим нравом и скорым судом. Если бы они узнали о его деятельности, просто расстреляли бы на месте, а не устраивали китайских пыток. Пленка осталась в тайнике в машине, и, скорее всего, ее не нашли. Значит, либо им нужны деньги, либо его хотят обменять на кого-то. Только кто станет его выкупать или обменивать. Тоже мне важная птица.

Хотя, пожалуй, есть один человек, которому его несчастная жизнь может понадобиться. Пенкин усмехнулся. Лазарук бы, пожалуй, согласился выкупить его из плена. Может быть, даже за большие деньги. «Господи, сегодня ведь уже суббота. Значит, вчера было заседание суда. Представляю, как Лазарук там плевался вместе со своими адвокатами: как же, ответчик не явился на заседание. Поливал грязью уважаемого человека, пропагандировал грязные инсинуации, а когда дело дошло до суда — так в кусты...»

Ночью начался ливень с грозой, и струи холодной воды, которые не в силах была сдержать соломенная крыша, обрушились на пленников.

Прогремел гром, и на улице стало светло, как будто молния, вспыхнув, зацепилась за что-то и продолжает светить.

— Якофф, иди скорее, что-то горит.

Яша подошел к немцу и тоже прильнул к щели. Соседний дом действительно горел, и пламя освещало большую часть деревни. Вокруг суетились чеченцы, но не с ведрами, а с автоматами. Они попадали за забор в десяти шагах от сарая с пленными и стали беспорядочно палить куда-то в сторону дороги.

«Странный способ тушить пожар», — подумал Яша, но через секунду еще один дом с жутким грохотом взлетел на воздух. Стало ясно, что деревню обстреливают из гранатометов.

— Это голубые каски, — торжественно изрек немец, — они нас освободить...

— Скорее белые колготки или красные шапочки. Пиф-паф, застрелит... Ты в своем уме, война давно кончилась?!

Но взрывы не прекращались. В крышу сарая со свистом врезался какой-то горящий обломок. Сырая солома начала тлеть, и сарай понемногу наполнялся вонючим дымом, который, несмотря на щели в стенах, не вылетал наружу. Вилли закашлялся и принялся барабанить кулаками в дверь.

Яков, в отличие от впечатлительного немца, не питал надежд на то, что чеченцы сейчас все бросят и ринутся спасать пленных. Выбрав на ощупь самую гнилую доску в стене, он, ломая ногти, принялся отдирать ее от остальных. Но доска не поддавалась. Нижний край ушел глубоко в грязь, а до верхних гвоздей было просто не достать — слишком высоко. Размахнувшись как следует, он ударил ногой по упрямой деревяшке, и та хоть слабо, но треснула. Еще одна попытка, еще удар. Нестерпимо болит покрытый сплошными синяками живот. Но доска понемногу разламывается. Последнее усилие — и путь к свободе или, по крайней мере, к свежему воздуху открыт.

Канонада на улице не утихала. Вилли, уставший звать на помощь, присоединился к Якову, и они отогнули половинки доски, так чтобы можно было пролезть. Худющий немец первым протиснулся наружу и, тут же поскользнувшись, шлепнулся в грязь. Не поднимаясь, он принялся махать Яше рукой, указывая то на занятых обороной чеченцев, то в противоположную сторону.

— Давай убегайт. — Он кричал довольно громко, но за грохотом стрельбы его не было слышно.

Яша втиснулся в дыру и вдруг понял, что она слишком узка. Попробовал сдать назад, тоже не получается. Вилли, видя, что Яков застрял, ползком возвратился к сараю. Несмотря на всю кризисность ситуации, Яшу душил хохот: за резинку, удерживающую очки, немец очевидно, для маскировки, воткнул ветку какого-то чертополоха, и видок у него был тот еще — индеец в зарослях укропа. Натурально.

Перед забором, за которым укрывались обороняющиеся чеченцы, рванула граната, и в Яшу сыпануло комьями мокрой земли. Он даже не успел прикрыть лицо, и глаза залепило грязью. Потом кто-то схватил его за плечи и рывком выдернул из сарая.

Но его спасителем оказался не Вилли, а молчаливый бугай, проводивший ежедневные экзекуции. Он и сейчас не преминул садануть Яше в живот. Но на этот раз очень кстати: очередная автоматная очередь вспорола стену как раз в том месте, где минуту назад торчала Яшина голова.

— Пошли, — рывкнул он и подтолкнул Пенкина в спину. Это было первое и единственное слово, которое Яша услышал от него за последнюю неделю. Если можно делать выводы, опираясь на одно единственное высказывание, то говорил он практически без акцента, точнее, без кавказского акцента.

Они, пригибаясь, присоединились к группке чеченцев, отходивших за деревню. Четверо бритоголовых молодых боевиков бережно несли ковер, на котором лежал старик с простреленными ногами. Там же был и Вилли.

Насколько Яков мог судить из своих урывочных наблюдений, в деревне было, по меньшей мере, десятка полтора боевиков, а уходили только шестеро, если не считать их с немцем. Остальные или погибли, или прикрывали их отход.

Дождь не прекращался. Они шли в полной темноте быстро, почти бежали. Видимо, каким-то своим горским чутьем чеченцы угадывали направление. Первыми шли парни с импровизированными носилками, а следом Бугай тащил связанных за руки ремнем Яшу и Вилли. Огни деревни скрылись за перевалом, и только по утихающим звукам стрельбы можно было догадаться, что они действительно уверенно удаляются, а не ходят кругами.

Внезапно Вилли вскрикнул и бахнулся на колени. Бугай, не обращая внимания, продолжал тащить, и немец шагов пять проехал на животе.

— Стоп, — стонал он, — мой нога!

Бугай тихо выругался, но остановился. Остановились и парни с носилками. Вилли свободной рукой массировал голень правой ноги:

— Я есть повредил сустав.

Раненый старик тихо застонал.

— Расул умирает, быстрее, — крикнул идущий спереди.

Стрельба стала громче, возможно, просто потому, что они сами прекратили двигаться и шуметь. Чеченцы встревожились.

— Шайтан! Погоня! Надо выносить Расула. А этих кончай.

Пенкин, за время своих рейдов по Чечне научившийся кое-как понимать язык, в ужасе замер. Бугай молча передернул затвор автомата и приставил его к голове Вилли.

— Nein! Я есть врач! — заорал тот. — Я могу спасти ваш командир. Меня нельзя застрелит. Nein!

Бугай поднял немца за шкурку с земли и перенес к ковру. Яша, связанный с Вилли запястьями, потащился следом. Немец в темноте принялся ощупывать старика, пытаясь определить количество и серьезность ранений. Старик тихо вскрикивал от каждого неосторожного прикосновения. Его телохранители начинали терять терпение. Бугай снова взялся за автомат.

— Нужно делать светло и бинты, — наконец выдохнул Вилли, — у него есть большая потеря крови. Нужно торопиться перевязать и таскать пули.

— Светить нельзя — увидят. Перевязывай так, — ответил один из молодых и сунул немцу индивидуальный пакет.

Вилли уперся:

— Nein! Мы имеем двадцать минут. Потом он умирайт.

Боевики залопотали по-своему, обсуждая, что им предпринять. Мнения разделились, насколько смог понять Яков, одни предлагали прикончить пленников и поскорее уходить, другие — позволить немцу помочь старику. К счастью, раненый опять застонал, и вторая точка зрения победила.

Они свернули в сторону и, продравшись через кусты, вышли к подбитому военному грузовику с кузовом-будкой. Зрелище он представлял жалкое: кабина оторвана с мясом и все остальное тоже основательно покорежено. Но лучшего укрытия поблизости, очевидно, не было.

Яша быстро сориентировался и заявил, что он работал санитаром и должен помочь немцу оперировать Расула. На всякий случай. Черт его знает, что засело у этих чеченцев в башках: в любой момент могут передумать и избавиться от лишнего пленника. Вилли подтвердил: ассистент ему необходим. Им выделили обычный фонарик и оставили наедине с раненым: не потому, что доверяли, просто места в смятом кузове было чертовски мало. Чеченцы караулили снаружи и заглядывали на каждый стон старика.

Аксакал получил три ранения в ноги и одно осколочное в грудь. Вилли засуетился, на ощупь бинтуя раны, при этом сам покряхтывал и постанывал, когда опирался на вывихнутую ногу. Старик молчал, и Яков молил Бога, чтобы он не умер, тогда их точно пристрелят, не задумываясь. Ранение в грудь было действительно опасным, и даже Яков при полном отсутствии медицинского образования понимал, что осколок при любом неосторожном движении может войти в подключичную артерию и тогда старик просто умрет от мгновенной потери крови. Но с другой стороны, оперировать в таких условиях еще опаснее: пациент может элементарно скончаться от болевого шока. Вилли вколол в мышцу анестетик, к счастью присутствовавший в аптечке. А Яков для подстраховки резким ударом в челюсть отправил старика в рауш-наркоз. За неимением скальпеля мышцу вскрыли с помощью обычного штык-ножа и, сполоснув пальцы йодом, вручную выдернули маленький кусочек металла. Отсутствие стонов насторожило чеченцев, и бугай с автоматом на изготовку втиснулся в кузов в самый разгар операции. Но, убедившись, что старик жив, даже помог его перевязать. Грудь просто забинтовали: шить было нечем.

Дальше был сущий кошмар. До места, куда они бежали, было еще километров пять, если не больше. А Вилли окончательно захромал, и всю оставшуюся дорогу Якову пришлось тащить его на закорках.

Но и когда они достигли долгожданной деревни и старика внесли в дом, никто не только не удосужился поблагодарить их, им даже не позволили отоспаться в каком-нибудь очередном сарае.

Пленников отвели в заднюю комнату и приставили к ним толстого потеющего чеченца, который уселся на табурете у входа и, зажав автомат между колен, застыл, как изваяние. Дверь была приоткрыта, и они, глотая слюнки, наблюдали, как через прихожку мечутся не улыбочивые женщины с блюдами дымящегося мяса и свежих, прямо из печи, лепешек. От дурманящих запахов у Якова подводило живот и туманилось в голове.

У дома остановилась машина, и в комнату, где лежал старик, суетливо пробежал специально приглашенный врач в неизменной папаше с увесистым чемоданчиком. Минут через десять он вышел, удовлетворенно покачивая головой.

Их провели в большую комнату и усадили на подушки в углу. За низким столом расположились трое незнакомых чеченцев, бугай-эксекUTOR и боевики, несшие старика. Один из хозяев поднял руку, прерывая разговоры за столом, и обратился к пленникам:

— Вы спасли жизнь достойному и уважаемому человеку, поэтому сегодня вы мои гости. Ешьте. Марина! — позвал он, и в дверях появилась стройная молоденькая чеченка с блюдом мяса и лепешками.

— Поединок! Поединок! — затараторили молодые чеченцы, хозяин одобрительно кивнул. Бугай-эксекUTOR поднялся со своего места и подошел к Якову.

«Опять избиение несчастных младенцев...» — с тоской подумал Яша, но хозяин снова позвал Марину, и та поставила на столик две литровые бутылки «Абсолюта». Теперь Яша уже ничего не понимал. Коран же запрещает употреблять все, что крепче кефира. Но бугай лихо отвернул обе пробки и, взвесив бутылки в руках, с ухмылкой протянул одну Яше.

— Вы ж мусульмане, — попробовал было возразить Яков.

— Он нет, — отрицательно покачал головой хозяин. — Давай, Назар. Победишь — русский твой. Проиграешь — мой.

— Он хохол, — охотно объяснил Якову один из молодых, — давно с нами. У него жена с русским сбежала. Если он больше выпьет, он тебя убьет. Если ты больше выпьешь — сам умрешь! — Он громко заржал, потирая руки в предвкушении диковинного аттракциона.

Немец сдвинулся в уголок и наблюдал за происходящим округлившимися глазами.

— Пить надо быстро и много, полчаса на литр. — Назар наполнил до краев свой стакан.

Марина принесла и поставила у порога еще две бутылки. Яша просто обалдел, но перспективы погибнуть от рук хохла-рогоносца заставила его мобилизоваться.

Первый стакан дался ему легко, стало тепло и уютно, но страшно хотелось есть, а времени закусывать не было. Назар вливал в себя все новые и новые порции.

Яша страшно волновался, и руки стали предательски дрожать, расплескивая водку мимо стакана. Чеченцы возмущенно заулюлюкали, и впечатлительный Вилли бросился на помощь товарищу, взяв на себя разлив.

Что было дальше, Яша помнил плохо, но в какой-то момент Назар вдруг закрыл глаза и, хрюкнув, повалился мордой в блюдо с мясом, а чеченцы хлопали Яшу по спине и гоготали во всю глотку...

Яша проснулся с жутко тяжелой головой. Нестерпимо хотелось пить. Он все еще лежал на том же ковре в той же комнате. Чеченцы разошлись, со стола уже убрали, Вилли исчез непонятно куда. Только у самой двери лежал на спине и громко храпел Назар.

Пенкин огляделся в поисках чего-нибудь жидкого, но, кроме полупустой бутылки «Абсолюта», которую сжимал в руке Назар, в обозримом пространстве ничего подходящего не было. Яша неуверенно поднялся и по стеночке, по стеночке стал пробираться к выходу. Комната плыла перед глазами. Попробовал закрыть глаза. Получилось еще хуже — бешеный фейерверк из разноцветных и сверкающих... стеклянных глаз. «При чем тут стеклянные глаза, — пронеслась смутная мысль в затуманенном Яшином сознании. — И когда я в последний раз так пил?! А никогда!» — широко ухмыльнулся он сам себе.

Яша стоял над истомленным телом врага-эксекUTора (это слово он даже мысленно не смог произнести с первого раза) и решался...

Решался он долго.

Но скорее не от природной скромности или, говоря проще, трусости, а от неуверенности в своем вестибулярном аппарате.

Однако искушение было слишком велико.

Разбежавшись, вернее, раскачавшись, он с воплем сиганул обеими ногами Назару на живот и для устойчивости, придерживаясь за дверной косяк, с удовольствием раза три подпрыгнул.

Назар не обиделся, точнее, он вообще никак не прореагировал.

— Отдыхай, щегол, — порекомендовал хохлу Яша и с чувством выполненного долга нетвердой походкой отправился на поиски влаги.

Дождь уже закончился. Двор был пуст. Никакого намека на колодец. Яша тупо побрел вперед, как верблюд в поисках долгожданного оазиса. Глаза закрывались сами собой, и он двигался на автопилоте.

Неожиданно земля под ногами кончилась, и Яша почувствовал всю прелесть свободного падения.

Которое, впрочем, продолжалось недолго.

Секунды через полторы тело Якова встретилось с землей и покатилося куда-то вниз, увлекая за собой лавину мелких камешков.

Яша прикрыл глаза, и перед ним снова закружился хоровод стеклянных глаз. «При чем же здесь все-таки глаза? — снова спросил себя Яша и сам же решил что вопрос явно риторический. — А почему бы и нет? Чем они хуже, скажем, зеленых человечков или розовых слоников?»

И все-таки его не покидало ощущение, что, пока он валялся в полном отрубе после «Абсолюта», какое-то из чувств — то ли зрение, то ли слух — продолжало работать в автономном режиме. И что этому чувству удалось зафиксировать нечто. Нечто очень важное...

Но все на свете когда-нибудь кончается. Кончился и склон, по которому он катился. Яша вылетел на дорогу и врезался в ограждение, отделявшее ее от следующего еще более крутого склона, спуск кубарем по которому даже в стадии чудовищного опьянения мог закончиться для Пенкина весьма плачевно.

5

Она рассказывала спокойным, почти лишенным интонаций голосом. В ее рассказе было много деталей, не относящихся к делу. Но мне не хотелось ее перебивать...

От тюрьмы и сумы не зарекайся.... Сколько раз Вера сама повторяла эту поговорку? Сто? Двести? Всякий раз — в шутку, прося в долг у соседки соль или примеряя подружкино платье, до зарезу необходимое, чтобы «выглядеть» сегодня вечером. И всякий раз, имея в виду только «суму», как в народе называют бедность — более реальную для нее беду. Да и то реальную лишь в пугающих снах, когда Вере снилось, что она снова живет у бабки в деревне и вечное ощущение голода снова заставляет ее хватать из куриной кормушки на соседском дворе холодные клейкие куски картофельной дранки, отбиваясь от огромного злого петуха, и запихивать ее в рот, торопясь и задыхаясь от голода и страха, что сейчас на крыльцо выскочит соседка, увидит ее и подымет крик...

Бедой казалась Вере только «сума», потому что бедность — это голод. Бедность она знала, боялась ее и потому, как злопамятного языческого божка, одаривала время от времени (особенно в дни больших своих денежных удач) всех встречаемых нищих калек и убогих старух, просящих милостыню в переходах метро, чтобы откупиться от возможного несчастья. Но то, что в поговорке на первом месте стояла все же не «сума», а «тюрьма», казалось Вере не более чем художественным приемом, преувеличением, в крайнем случае — отмершей исторической реалией из тех времен, когда клеймили лоб, вырывали ноздри и ссылали в кандалах на Соловки.

А зачем ей, Вере Кисинной, бояться тюрьмы? Ведь страх чувствуешь только перед тем, что грозит на самом деле, а с чего бы это ей грозила тюрьма? С криминалом она не связана, прописка московская, слава Богу, есть, друзей подозрительных не имеет, ее знакомые — приличные люди, коллеги по работе да бывшие однокурсники, которые теперь все поустраивались в жизни, стали благополучными врачами, открыли свои аптечные киоски, зубо врачебные кабинеты.... Да и времена теперь не такие, чтобы бояться внезапного ареста, не тридцать седьмой год на дворе. Скорее уж опасаясь получить случайную пулю в собственном подъезде, возвращаясь с работы, если вдруг начнется охота на ее богача соседа, чем самой быть арестованной и оказаться в тюрьме. С этой, скрытой от посторонних глаз, стороной жизни Вера столкнулась лишь однажды, мимоходом, покупая на улице с лотка булки.

Горячие, пахнущие свежим тестом, корицей, маком, изюмом и ванилью, булки продавались с деревянных лотков на углу Большой Ордынки, рядом с входом в метро «Третьяковская». Накрытые запотевшим, матовым от мелкого морозящего дождика целлофаном, они распространяли вокруг такой аромат праздника, напоминая о весне, о Пасхе, что торопившаяся по делам Вера не удержалась и пристроилась к небольшой очереди, поспешно нащупывая в сумочке кошелек. Неожиданно рядом с ней возникла чья-то темная, неопрятная фигура, и голос тихо забубнил:

— Ради Бога, помоги на хлебушек...

Вера подняла голову и увидела возле себя бомжиху, еще не старую, лет пятидесяти, крижистую грязную бабу в распахнутом ватнике без пуговиц и обутой на босу ногу рваных сапогах со сломанными «молниями». От бомжихи тянуло густым больничным запахом мочи, как от лежачего больного. Откуда она выползла и почему из всей очереди обратилась именно к ней, Вера не успела подумать, но с инстинктивным отвращением отодвинулась от бомжихи подальше, не желая, чтобы та, не дай Бог, дотронулась своей корявой черной рукой до ее светлого кашемирового пальто. А бомжиха, заискивающе наклоняясь к Вере, ловила ее взгляд и быстро-быстро бубнила беззубым ртом, видя, как подходит ее очередь:

— Двумя рублями помоги, красавица, на одну булку... Вот за два рублика, вот эту, самую недорогую, возьми для меня одну штуку... Бог оплатит...

Словно тот же злопамятный божок нищеты предстал перед Верой!

И не столько по доброте душевной, сколько из страха перед ним она купила бомжихе две самые дешевые, двухрублевые сдобные ватрушки. Продавщица, недовольная тем, что грязная вонючая баба крутится рядом с ее товаром, отпугивая покупателей, поджав губы, щипцами уложила их на оберточную бумагу и протянула попрошайке. Вера хотела скорее уйти, но бомжиха, ощутив в руках мягкую, горячую еще сдобу, едва не заплакала от радости и, загораживая Вере дорогу, благодарно забормотала, улыбаясь темным провалом беззубого рта:

— Вот спасибо, дай тебе Бог здоровья! Я ж не как другие... Я вот откровенно тебе скажу: я сама недавно из тюрьмы вышла... Я ж все понимаю, но вот истинный Бог — два месяца назад освободилась...

Натянута улыбаясь и не зная, как уже и отвязаться от нее, Вера пробормотала что-то вроде: «Ничего-ничего, всего вам доброго» — и поспешила перебежать на противоположную сторону улицы...

Естественно, об этой встрече она быстро забыла, зато теперь фигура той бомжихи стояла у нее перед глазами день и ночь, и Вере уже казалось, что та встреча была не случайной, а сама судьба сделала ей предупреждение... Вот и свершилось. Вот и она оказалась в том аду, скрытом от человеческих глаз, откуда выходят беззубыми и больными старухами без возраста. Вот и она может запросто, как будто так и надо, стоять у киоска в драном ватнике и рваных, из мусорного контейнера, сапогах, вонючая, завшивленная, и осипшим голосом просить на пачку папирос, а покупающие пиво бритоголовые подростки в черных «пилотских» куртках будут материть ее, пинать и спихивать с тротуара в грязь.

Сколько раз она сама наблюдала такие сцены?

Брр! Что за ерунда! Ведь она так стоять не будет. У нее есть своя квартира, есть друзья! Работа!.. И Вера, как в бреду, дрожащими руками принималась сантиметр за сантиметром снова и снова ощупывать свое тупо ноющее лицо, пытаясь определить, что с ним сделали?

Волосы коротко острижены. Она зачесывала их пальцами назад, и жирные сосульки склеивались, будто намазанные гелем для «мокрой» укладки. Волосы наверняка покрылись коркой перхоти и воняют, но разве в этом общем запахе испарений сотни давно не мытых тел, канализации, тюремной баланды, дыма от скрученных из чая сигарок, разве в этом аду что-нибудь значит ее собственный запах... Лоб... Кожа на лбу угреватая и грубая. Нос... Она водила пальцем по крыльям носа, терла переносицу, прощупывая кость, и не могла вспомнить — была ли эта горбинка у нее раньше или появилась сейчас? Может, она похудела и осунулась от голода, и от этого нос заострился? А щеки, форма лица... Вера строила гримасы, пытаясь по растяжению мускулов на лице, по ощущению натяжения кожи на щеках понять: действительно делали что-то с ней или это ей только кажется? Или это ей показалось, приснилось — ослепляющая лампа под потолком, марлевые маски, запах эфира... Раз, два, три...

Без зеркала не понять, ее это губы или уже не ее? Она шевелила губами, растягивала и сжимала. Мышцы лица болели. В гнилом воздухе переполненной общей камеры ее губы высохли, потрескались, покрылись сухой коркой и кровоточили. Вера постоянно ощущала во рту солоноватый металлический привкус крови. Или это уже стали кровоточить десны? Сколько сил и денег стоили ей красивые зубы, а ведь ее улыбка — это ее работа.

Ее странные манипуляции привлекали внимание сокамерниц, вызывая насмешливые замечания:

— Глянь, глянь, артистка снова массаж делает.

— Не трогай ее, это от нервов у нее лицо дергается.

У Веры даже не хватало сил удивиться такому совпадению, что тут, в тюрьме, заключенные прозвали ее артисткой, ничего о ней не зная.

Первые дни в Бутырке она прожила как в бреду, ничего не замечая и не обращая ни на кого внимания. Как только за ней закрылась дверь камеры, Вера уселась на полу перед дверью, обхватив колени руками, отвернувшись от всех, и сидела так всю ночь, уткнувшись носом в колени, то впадая в странный сон, больше похожий на оцепенение, то просыпаясь. Ей казалось, что в любой момент охранники вернутся за ней, приведут в кабинет к какому-нибудь начальнику, и там все выяснится... Что именно должно выясниться, Вера еще не знала. Она знала лишь, что ее обязаны выпустить, потому что произошло недоразумение, ошибка.

Никто из сокамерниц с ней не заговаривал. Вере казалось, что ее не замечают. На самом деле, как любой новый человек, своим появлением она вызвала у всех любопытство, но не сумела этим воспользоваться и сразу сойтись с людьми. Замкнутость и нелюдимость Веры в первые дни в Бутырке настроили против нее сокамерниц. Им не понравилось, что новенькая сидела, ни с кем не заговорив, отвернувшись от всех, словно считала себя лучше остальных.

Вера не заметила, что наступило утро. Когда раздавали завтрак: гороховую кашу, черный хлеб и подслащенную коричневатую жидкость вместо чая, Вера не тронулась со своего места у двери. Высокая плотная женщина, которую подруги называли Мариниша — старожилка этой камеры, сидевшая в Бутырке уже третий год по подозрению в квартирной краже, — подходя к раздаточному окошку, выразила всеобщее мнение, пнув Веру ногой в бок и ругнувшись:

— Отодвинься, корова! Расселась тут своей задницей, ни пройти ни проехать!

Вера, двигаясь, как в полусне, отползла в сторону, даже не подняв головы, и это ее равнодушие к выпадку сокамерницы тоже было воспринято всеми как оскорбление.

— А ей хоть ссы на голову, малахольной, не доходит! — со злостью объявила Мариниша, забираясь на свои нары.

— Сама жрать не хочет, хоть бы отдала кому свою порцию, так нет...

— Ничего-ничего, скоро выголодается! Все начнет трескаться. Тараканов будет хватать.

Но Вера тогда еще не умела понять, чего от нее хотят эти женщины, какой реакции ждут и что она сделала неправильно? Она сидела, опустив голову, уткнувшись подбородком в колени, закрыв глаза, не желая ничего ни видеть, ни слышать. Она старалась думать о чем-то другом, далеком, из прежней хорошей жизни: о мелких рабочих приятностях, о том, что скоро у главной редакторши их отдела юбилей, и интересно, как все готовятся к грандиозному по этому случаю фуршету... Затем мысли невольно переключались на все те бедствия, неожиданно свалившиеся на нее, и она в который раз мысленно возвращалась к разговору с придуманным ею самой неизвестным начальником, к которому рано или поздно ее приведут. Слово за словом, фразу за фразой Вера представляла, что она ему сразу скажет, кто она на самом деле, и какие вопросы он ей начнет задавать, и как она ему все объяснит... И торопливо вспоминала все обстоятельства этого кошмара, прислушиваясь к шагам в коридоре.

Примерно через час после раздачи гороховой каши с чаем в коридоре снова загремели ключи, и голос охранника прокричал:

— Шестнадцатая камера, на opravку! Всем выйти в коридор и построиться!

Вера очнулась. Их куда-то поведут! Она вскочила на ноги и едва не потеряла сознание, успев ухватиться за железный стояк трехэтажных нар: в спертом, тяжелом воздухе камеры голова закружилась от резкой перемены положения.

Женщины вокруг зашевелились. С верхних нар на пол камеры посыпались, как матросы на палубу, десятки немых, изможденных тел. Молодые были в затертых, лоснящихся спортивных трико и шортах, в вылинявших под мышками футболках, шлепанцах на босу ногу, женщины постарше — в юбках, из-под которых выглядывали голые потные ноги, растянутых кофтах, войлочных тапках... Перед открытыми дверями камеры образовалась давка. Вера смогла протиснуться в коридор одной из последних.

По ногам сразу же потянуло потоком холодного воздуха. С непривычки тюремный коридор, освещенный высоко под потолком рядом мутных желтых лампочек в решетчатых колпа-

ках, ослепил Веру ярким светом. Она зажмурилась и потеряла ориентацию. Кто-то толкнул ее к стене, в общий строй, к сокамерницам. В опустевшую шестнадцатую вошли трое охранников. Еще двое остались в коридоре. Началась переключка.

Списки, составленные по алфавиту, грешили неточностями: фамилии на «М» шли почему-то после фамилий на «С», другие охранник произносил с ошибками, что привносило в процедуру проверки привычное веселое разнообразие:

— Сморгонева!

— Сморгонева! — под хихиканье товарок выкрикивала из строя обладательница трудной фамилии.

— Мухаммештина Алла!

— Мухаммедшина, золотой, — развязно отзывалась молодая татарка, поправляя платок, стягивающий копну ее густых, жестких, как конский хвост, черных волос с высветленными рыжими прядями.

— Мухаммедшина Роза!

— Ая! — весело посверкивая золотыми передними зубами, отзывалась то ли однофамилица, то ли ее сестра.

— Тетерина!

— Я!

— Удогова!..

Как ни была настроена Вера снова услышать эту фамилию, в первый момент она растерялась. Вдруг совпадение? Вдруг сейчас отзовется кто-то из сокамерниц? Но женщины молчали.

— Удогова?.. — нетерпеливо повторил охранник, поднимая глаза от списка.

— Нет! — выкрикнула Вера раньше, чем успела сообразить, что ей следовало бы делать. — Никакой Удоговой нет! Я — Кисина Вера Александровна! Может тут кто-нибудь наконец разобраться, что фамилии перепутаны?!

— Соблюдать тишину! — рявкнул охранник, скользнув колючим взглядом по Вере и отмечая что-то в своем журнале. — В карцер захотела?.. Укладчикова, — выкрикнул он следующую по списку фамилию.

— Я!

— Это ошибка! — теряя голову, истерично закричала Вера, сотрясаясь всем телом. — Вызовите кого-нибудь! Это ошибка! Я не Удогова, я Кисина! Я — Кисина! Почему я здесь? Вызовите начальника!

Подбежавшие охранники заломили ей за спину руки.

Нестройная колонна заключенных из шестнадцатой камеры, возглавляемая и замыкаемая двумя охранниками, потянулась привычным маршрутом куда-то в глубь Бутырки, притормаживая перед каждой решетчатой переборкой, пока дежурный отпирал им проход. Издали до них еще некоторое время доносились неразборчивые крики Веры, которую волокли в карцер.

От боли в выкрученных руках у Веры почернело перед глазами, подкосились ноги. Она повисла на руках охранников. Не давая опомниться, охранники потащили ее обмякшее тело коленями по бетонированному шершавому полу, подталкивая пинками под ребра:

— А ну подымайся, сука!

Громыхая, распахнулась железная дверь. Веру втокнули в темноту и холод. Дверь захлопнулась.

Полежав немного, она смогла приподняться и встать на четвереньки. Боли в разодранных до крови коленях она не чувствовала: одинаково болело все тело.

Вытянув перед собой руку, Вера старалась нащупать что-нибудь в крошечной тьме. Рука скользнула по осклизлой влажной стене и уперлась в противоположный угол. Почему-то мысль, что в этой камере она сидит одна, не испугала, а успокоила Веру. Страх перед темнотой и замкнутым пространством у нее не было — наоборот, с детства темные укромные уголки

были ее единственными надежными союзниками. Сколько раз приходилось ей в детстве прятаться от бабки в огромный ларь для муки и крупы, стоявший в холодной темной кладовке в сенях!

Она залезла в него через узкую щель едва приоткрытой крышки, стараясь не сдвинуть со своих мест корзины и всякую домашнюю рухлядь, сваленные наверху, чтобы бабка не заметила, что ларь открывали, и не догадалась о ее потайном убежище. Внутри пахло крупой и мышами. Вера удобно устраивалась на мягких мешках и, включив фонарик, читала книжки или учила устные уроки. Как только за дверью кладовки, в сенях, раздавалось шарканье бабкиных галош, она выключала фонарик и сидела, стараясь не дышать, тише, чем мышь под метелкой, потому что в тишине кладовой в этот момент отчетливо слышалось шуршание и поскребывание мышиноного вывода, привольно живущего в бабкиной кладовой.

Жизнь приучала ее бояться людей. В одиночестве же и темноте никакой опасности не было...

Сняв с себя больничный байковый халат, Вера сложила его плотным валиком и подложила под себя. Сидеть сразу стало теплее. Внизу под халатом на ней еще была надета хлопчатобумажная водолазка и колготы. Верин костюм исчез в больнице вместе с ее новыми итальянскими лакированными сапожками, сумочкой, часами и золотым обручальным кольцом, которое она всегда носила на левой руке, несмотря на развод с мужем. Из больницы ей пришлось уйти в байковом халате и чужих мохнатых тапках. И так уж странно устроена человеческая натура, что теперь, вспоминая потери и беды последних дней, Веру больше всего душила обида на неизвестного вора, отнявшего у нее французскую коллекционную сумочку. Второй такой не было, пожалуй, ни у кого в Москве! Она так радовалась, когда купила ее!

Свернувшись на подостланном халате, Вера незаметно для себя стала засыпать. Из-за холода, стоящего в карцере, запах присыпанных хлоркой нечистот по углам не беспокоил ее так, как духота переполненной общей камеры. Постепенно она уснула.

Ей снилось, будто они с Ленкой убежали из дома и едут ранней весной в тамбуре общего вагона рядом с туалетом в Москву, но при этом почему-то они ужасно боятся контролеров, как в электричке, и перебегают на каждой станции из вагона в вагон, пока не отстают от поезда в каком-то маленьком незнакомом городишке с деревянным зданием вокзала рядом с платформой...

...В Москву она рвалась, как чеховские три сестры: бесцельно, не представляя, чем будет там заниматься, но ясно воображая, как изменится к лучшему ее жизнь. Стоит лишь вырваться из захолустья и очутиться в большом городе, где по вечерам светло от горящих фонарей и витрин, где гуляют красивые люди и полным-полно интересных, красивых и умных мальчиков, совершенно не похожих на их местных пацанов, к пятнадцати годам превратившихся в заправских алкашей, — стоит лишь попасть в этот блистательный мир, и ее собственная жизнь станет такой же красивой и интересной... К этой мысли ее приучила Ленка Филимонова.

В каждом самом маленьком поселке найдется одна такая малахольная интеллигентная семья типа Ленкиной: рассадник нигилизма и божественных идей. Родители ее, находящиеся на протяжении последних десяти лет в перманентном разводе (что не мешало им, однако, мирно уживаться в одной комнате одной квартиры), работали учителями в Вериной школе. В отличие от других учителей, затюканных работой, домашним хозяйством, картошкой, огородами, Ленкины родители не держали ни корову, ни свиней, не садили картошку, не обрабатывали огород... К тому же Ленкина мать пользовалась импортными духами, играла на пианино и рассуждала о мировом кино.

Были они так же бедны, даже более бедны, чем те, кто еще кроме зарплаты получали урожай с огорода или держали хозяйство, но деньги тратили совершенно не так, как другие: они ездили летом в Москву и Ленинград, где у них жили родственники, или в Крым, Прибалтику.

Жили они в хрущевской пятиэтажке, в маленькой двухкомнатной квартирке на первом этаже, где из удобств была лишь холодная вода и нагревательная колонка. Тратить время на такие пустяки, как уборка квартиры, стирка-глажка или готовка борщей, семейство не любило. На полу у них всегда лежали горы мусора, по углам стопками была навалена ношенная одежда, а узнать, какая стоит погода, дождь или солнце, можно было, только открыв окно и выглянув во двор... Вместо обеденного стола в их квартире стоял бочонок, накрытый щитом из сбитых досок, вместо стульев — два сундучка, накрытые детской каракулевой Ленкиной шубой. На окне — никаких штор и занавесок, на полу — никаких ковров. Но для Веры, впервые попавшей к ним в гости, Ленкина квартира показалась вершиной уюта и красоты.

Вместо привычных ковров, секции-стенки с хрусталем и стандартного «мягкого уголка» с двумя креслами их тесная квартирка была переполнена книгами. Застекленные книжные полки, поставленные друг на дружку, и простые обструганные деревянные стеллажи занимали все стены от пола до потолка. Из составленных этажерок в зале был отгорожен угол, за которым стоял единственный нормальный предмет мебели — диван, на котором спали Ленкины родители. Старый диван без ножек был найден ими на свалке и тайно ночью принесен в квартиру. Днем обычно на нем спала собака.

У другой стены стояло старое, потертое черное пианино «Беларусь» с вензелем из дубовых листьев и пожелтевшими клавишами. На крышке пианино и на полках над ним были расставлены иконы, куски горного хрусталя, раковины и коралловые веточки, книги в потертых переплетах с золотыми обрезами, керамические горшочки и вазы, разные старинные предметы: фарфоровые статуэтки, бронзовые подсвечники, стеклянная чернильница со слоном на крышке, зеркало в ореховой раме с выгравированным на стекле букетом...

Вера сдружилась с Ленкой на почве их общей любви к группе «Аквариум» и писателю Толкиену. Они были единственными в провинциальной школе, кто прочитал «Хоббита» и всю трилогию о Властелине Колец, и, обнаружив это, кинулись друг к другу с распростертыми объятиями, как два земляка-европейца, повстречавшиеся на необитаемом острове.

Они учились в одной школе, Ленка в десятом классе, а Вера в восьмом, и, казалось бы, между ними непреодолимая пропасть, но Вера заинтересовала склонную к авантюрам Ленку своей сиротской неприкаянностью, которая в том возрасте воспринималась ими как независимость. Вера идеально подходила для компании: с ней можно было запросто исчезать из дома, ездить на рок-концерты в областной центр, тусоваться там с местными рокерами в рок-клубе, а то и смотаться «на собаках» в Москву.

Электричками, а где и автостопом дня за два они добирались до столицы и сразу шли на Арбат «искать вписку» на ночь у местных хиппи. В то время старые дома в районе Нового Арбата, в переулках вокруг Малой и Большой Бронных, стояли выселенными под реставрацию, и если не находился «циvilный флэт» — чья-нибудь нормальная жилая квартира, то к ночи вся тусовка пробиралась ночевать в пустующую квартиру.

Это была настоящая «профессорская» московская пятикомнатная квартира. Такие Вера видела раньше лишь в кино: гигантские комнаты с широкими, двустворчатыми дверными проемами, высокими лепными потолками, большими окнами, выходящими в уютный мощный переулок с узкими тротуарами и домом напротив, на котором по зеленому фасаду лепятся белые львиные морды между гирлянд в античных вазах... Неужели в такой квартире можно жить? Каждый день смотреть в это окно и испытывать те же чувства, что и у простых смертных: скуку, печаль, досаду на дождливый день?.. Вещи, брошенные в квартире прежними хозяевами при переезде, давали Вере смутное представление о той настоящей жизни, которой следует жить: всякие безделушки, открытки, пустые бутылки причудливой формы с золотыми этикетками, с наплывшими разноцветными свечами, монументальный деревянный буфет со сломанными дверцами, рваное рыжее канапе, обитое кожей, кресло без ножки с низкой полукруглой спинкой и сломанными подлокотниками в форме голов грифонов...

— Ты представляешь, вот это жизнь! — восхищалась Ленка, сидя на широком подоконнике «профессорской» квартиры, пуская сигаретный дым в мутное оконное стекло и любуясь на арбатский переулок. — Вот куда надо всеми силами рваться. Только тут и можно чего-нибудь добиться, иначе закиснешь в своем колхозе и к двадцати пяти годам превратишься в толстую кобылицу с золотыми зубами, с химией на полголовы, сопливыми детьми и мужем-алкоголиком... Нет, мать, надо любой ценой затусоваться в Москве. Только имей в виду: тут тоже есть свои заводские районы, где одна гопота живет, еще почище, чем в нашем поселке. Настоящая божемная Москва только в пределах Садового кольца. Вот бы поступить учиться куда-нибудь в Строгановское или в Суриковский, — мечтательно повторяла она и начинала строить планы на двоих: как они вместе поступят, будут учиться, жить в одной комнате и так далее...

Собственно говоря, именно Ленкиному романтическому взгляду на жизнь Вера была обязана тем, что ее побеги из дома в Москву не ограничились только общением на тусовках с разношерстной публикой — от наркоманов и воров до студентов творческих факультетов самых престижных столичных вузов. Если бы не Ленкина постоянная мечта о красивой жизни, Вера, возможно, сбилась бы с пути, и ночевки по бомжатникам, косячок анаши, мелкие кражи из продуктовых магазинов или собирание объедков по столикам в арбатских кафе, когда не удавалось «нааскать» нужную сумму мелочи у прохожих, — все эти прелести хипповской жизни, о которых она теперь вспоминала с тихим ужасом, могли стать для нее обыденной реальностью. Сколько таких погибших личностей встречала она среди наркоманок в те дни? Чума, Крыса, Мама-Люба, Любка Питерская, Долли, даже легендарная Умка — ведь все они были ее приятельницами, с которыми Вера делилась последней сигаретой и последним рублем, все они были не простыми, а умненькими, талантливыми девчонками, писавшими песни, певшими под гитару, рисовавшими... И где они теперь?

6

Яша проснулся оттого, что кто-то тряс его за плечо.

Над ним склонился... инопланетянин с нимбом вокруг головы. А рядом прямо на дороге стояла переливающаяся всеми цветами радуги летающая тарелка.

«Надо меньше пить», — с трудом воссоздал Яша в уме сакраментальную фразу и нерешительно протянул руку к пришельцу.

На ощупь обычные джинсы... И кроссовки почти как земные, удивился Яша, досадуя об отсутствии камеры.

— Мужик, — вдруг вполне человеческим голосом произнес «космический скиталец», — не спи, замерзнешь.

У Яши аж челюсть отвисла.

— Ты кто?! — Спросил он и тут же пожалел, что прозвучало это не слишком вежливо. Пришелец все-таки, надо бы с ним пообходительнее.

— Асламбек, да, — и впрямь обиделся тот.

— С альфы Центавра или с беты Центуриона? — проявил Яша поразительную для его положения эрудицию.

— С Ведино я, — несколько опешил пришелец.

— ???

Тут совокупность несоответствий в облике данного гуманоида с общепринятым имиджем инопланетян навела Яшу на мысль, что все это грубая имитация и подлый обман. Он тщательно протер глаза и убедился в справедливости собственных выводов.

Вместо летающей тарелки стоял неопознанной марки джип, увешанный фарами, как Шварценеггер боеприпасами или, скажем, Л. И. Брежнев наградами.

В глазах у Яши, конечно, двоилось, но, даже с поправкой на это, фар было, по меньшей мере, штук десять плюс иллюминация на крыше. Не считая бесчисленных зеркал, переливающихся наклеек, золотой бахромы повсюду... И все эта дискотека сверкала и плясала в такт покрикивавшей где-то внутри ее записи Black Sabbath. А пришелец оказался обыкновенным человеческим мужиком. Просто из-за бьющего ему в спину дальнего света лица видно не было, а кудрявая шевелюра, подсвеченная изнутри, создавала впечатление мерцающего зеленоватого нимба.

— До города подбросишь? — тут же сориентировался Яша.

— До какого? — подозрительно переспросил Асламбек.

— А до какого можешь?

— А куда тебе надо?

— В Лихтенштейн... — подумав, ответил Пенкин и тут же осекся. «Что за бред?» — промелькнуло в его голове. Но что-то подсказывало, что это совсем не бред.

Однако Асламбек ничуть не удивился:

— А это где?

— Да тысячи две километров, пожалуй, будет... если по прямой, конечно и не останавливаться.

— Не, туда не поеду.

— А куда поедешь?

— В Халкилой.

— Заметано! — легко согласился Яша и полез в машину.

Асламбек, подозрительно косясь на попутчика, уселся за руль и завел мотор:

— Слушай, друг, а тебе зачем в этот... как его? Лихтенштейн.

— Дело у меня там...

По правде сказать, он плохо представлял, с чего это вдруг потянуло его в далекое карликовое государство, но где-то глубоко в голове засела мысль, что он непременно должен туда попасть, причем как можно скорее.

— А скажи мне, как ученый ученому, — вдруг встрепенулся он и затормозил водителя по коленке, — когда стеклянные глаза снятся, это к чему?

— К деньгам, конечно, — солидно отвечив Асламбек и уже менее уверенно добавил, — или к неприятностям.

Яша снова начал проваливаться в забытие. Но какая-то часть его мозга усиленно трудилась, припоминая, что стеклянный глаз действительно ключик к каким-то деньгам. А может и к неприятностям.

Но где тот замок, который отперет этот ключик?..

Откуда вообще взялась мысль о стеклянном глазе и сокровищах?..

А главное, почему он до сих пор не утолил эту чудовищную жажду?!

Согретый теплом машины и убаюканный криками Sex Pistols, он уснул в который уже раз за эту длинную ночь.

Впрочем, уже светало.

— Где выйдешь? — спросил Асламбек.

Яша хмуро посматривал за окно. Голова, как чугунное ведро... то бишь ядро. Все тело ныло от ушибов и ссадин, полученных при скоростном спуске.

— ...Там на площади моя машина стоит.

— Где?

— ...Не помню. Поищем.

— Что за машина?

— ...Крутая. Не спутаешь.

Машина была его гордостью, предметом обожания и нежной заботы. Стараниями бывшего одноклассника, автослесаря Вохи, который, когда бывал трезв, являлся гением машиностроения, все нутро его «девятки» было переоснащено, усилено и улучшено. Воха умудрился всандалить в «жигуль» двигатель от «ситроена», навесил резину «макларен», пуленепробиваемые стекла и бронированные двери. Он же лично выкрасил машину черно-голубыми зигзагами и начертил на крыше «ТВ-7 Москва» — название своего любимого телеканала. И еще Воха оборудовал автомобиль противоугонным устройством собственного изобретения. При попытке проникнуть в машину взломщик получал короткий, но ощутимый разряд, так как дверные ручки были под напряжением. А потом ему в ноги отстреливалась свинцовая подушечка весом восемнадцать килограммов.

Сколько дорог исколесил Яша на своей любимице!

— Она! — Асламбек уверенно ткнул пальцем вперед.

«Воха огорчится...» — подумалось Яше.

— ...Не спутаешь, да. — Водитель, ухмыляясь, остановился и протянул руку на прощание.

Яша выбрался из джипа и без сил присел на землю.

Как же вы меня достали!

Похитили, допустим...

Избили, предположим, время такое — всех быют...

Упоили до полусмерти, ладно...

Чуть не пристрелили, хрен с вами...

Отдельное, конечно, спасибо за слалом без лыж...

Но это! Это уже, пожалуй, слишком!!!

Рядом в пыли резвилась чеченская детвора. Они выстроились в очередь, каждый с личным камнем соответствующего возрасту и грузоподъемности размера. Когда подходил черед, ребенок размахивался и, что было мочи, пулял свое ядро в заднее стекло Яшиной машины.

Стекло было пуленепробиваемое, и разбить его было не так уж просто, но это только усиливало азарт. Каждый бросок сопровождался криками и улюлюканьем.

Какой-то мальчуган лет четырех подошел к Яше, сгибаясь под тяжестью строительного кубика, и жестами предложил тому тоже испытать свои силы.

Тут Яша не выдержал.

Выватив у мальчика камень, он швырнул его в ноги детишкам и заорал диким голосом:

— Вон отсюда, бегом.

Детвора прекратила обстрел, но расходиться не собиралась. Все с интересом наблюдали, что же будет дальше. Яша бросился к машине, вернее, к той груде металлолома, которая еще неделю назад была предметом его гордости. Теперь у машины не было дверей, колес, крыши, сидений, руля и номерных знаков. На месте было только пуленепробиваемое заднее стекло, мотор, который просто не смогли выдрать, и содержимое тайника, о существовании которого просто не догадались. В тайнике за бардачком лежала кассета с записью могилы «Дудаева» и пистолет.

Яша выхватил оружие и пару раз пальнул в воздух:

— Я кому сказал, брысь!

Детвору как ветром сдуло. Яша подобрал с пола свой затоптанный блокнот и, навесив на машину с двух сторон надписи «Осторожно! Заминировано!», отправился на поиски автосервиса.

С автосервисом было туго. Халкилой — это не Москва, где в любое время суток вам окажут любые услуги, только плати. Кстати, с деньгами у Яши тоже было туго. Поэтому, пробежав впустую полчаса по городу, он оказался у исходной точки. И как раз вовремя.

Вокруг его машины уже суеился какой-то предприимчивый одноглазый мужичонка. Он подогнал трактор, в кузове у которого торчала лебедка. Установив две широкие доски, он, не обращая внимания на угрожающие Яшины предупреждения о минах, медленно, но уверенно втаскивал «девятку» к себе в кузов.

— Мужик, ты чего делаешь? — мирно спросил Яша, сжимая в кармане пистолет. Он наконец вволю напился воды из какого-то колодца. И совершенно зря. У похмелья открылось второе дыхание. Яшу повело.

— Металлолом собираю...

— А макулатурой не интересуешься или стеклотарой?

— Ты знаешь места? — насторожился мужик.

— Не, просто это моя машина.

— Чем докажешь?

— Вот. — Яша, пребывая в состоянии легкой прострации, предъявил весьма спорное, но весомое доказательство своих имущественных прав. Он достал пистолет и щелкнул предохранителем.

— Верю. — Мужик не торопясь отстегнул крюк, и черно-голубая развалина сползла обратно на дорогу. — Хотя я мог бы починить...

— Ты это серьезно? — засомневался Яша. Мужик своей помятостью и обшарпанностью не очень-то внушал доверие. Хотя если вспомнить Воху в его критические дни, так этот просто английский лорд. Да и сам Яша своим исцарапанно-нетрезвым внешним видом вряд ли вызывал безграничное доверие.

— А почему бы и не починить?.. — Мужик потер пыльный ботинок о грязную штанину и выжидающе смотрел на Пенкина.

— Дорого возьмешь?

— А сколько дашь?

Эта здешняя манера отвечать вопросом на вопрос стала уже раздражать.

— Скоро сделаешь?

— Годика за полтора управлюсь, пожалуй.

— Ладно, мужик, езжай своей дорогой, я, пожалуй, еще какого-нибудь Кулибина поищу.

— Поищи, конечно... Только тут больше нет никого. Одни чеченцы. А они больше по автоматическому оружию... — Мужик отвернулся и полез в кабину.

— Постой, — вдруг осенило Яшу. — А трактор это чей?

— Знамо дело, мой. — Он присел на подножку и принялся сворачивать самокрутку, набивая ее табаком прямо из кармана, пополам с землей и крошками.

— А мог бы ты отвезти мою машину, скажем, до ближайшего города, где есть нормальная мастерская?

— Отчего же не отвезти. Могу.

— ...А до Москвы? — обнаглел Яша.

— Могу и до Москвы, — удивительно легко согласился тракторист, выпуская дым через нос. — Я сейчас свободен.

— А чем вообще занимаешься? — Яша тоже присел: стоять, не раскачиваясь, было тяжело, а при малейшем движении поташнивало.

— Бомжую.

— И давно?

— Да года два...

— А до того чем занимался?

Мужик дососал самокрутку, раздавил каблуком окурок и деловито поднялся.

— Хорош трепаться, до Москвы путь не близкий. Тебя как звать, кого мне в Москве спросить-то?

— Яков. Пенкин.

— Михалыч. Баленков. Егор... в смысле Егор Михалыч... — истощающе отрекомендовался тракторист и потер отсутствующий глаз.

— А не пропьешь агрегат по дороге?

— Помоги лучше, — ушел от ответа Михалыч и полез в кузов к лебедке.

Вдруг где-то вдалеке что-то протяжно ухнуло. Потом километрах в двух к западу в небо взметнулся столб огня. Рвануло так, что задребезжали и посыпались стекла в домах. На месте взрыва за клубился жирный черный дым.

— На Насосной опять чего-то не поделили, — спокойно объяснил Михалыч, продолжая работу.

Яша почувствовал запах сенсации, а заодно и славы. Пока еще его коллеги доберутся сюда из корпункта в Грозном. А он имеет реальный шанс стать очевидцем и репортером в одном лице.

И Яша помчался к эпицентру событий. Однако, пробежав шагов десять, вернулся:

— Ты тут сам заканчивай. Доберешься до МКАД по Варшавскому шоссе, я тебя найду. Некогда мне, репортер я, понимаешь, а там взрыв. Без меня никак не обойдутся, — и, не дожидаясь ответа, зайцем поскакал по кочкам.

Но к его величайшему удивлению, его опередили. Утопая в чаду, ребята с ОРТ уже выгружались с камерами из фургона.

— Вы когда успели? — возмутился Яша.

Его узнали, и оператор охотно объяснил:

— Мы еще утром приехали. Тут стрельба была. Снять-то мы ничего не успели, а вот корреспондента нашего подстрелили. Придется теперь только картинку гнать без комментария.

— Дай я скажу, — предложил Яша.

— Ты ж оператор.

— Дык не машинного доения, журналист же, мать его, — досадливо поморщился Яша, обиженный недоверием коллеги, и, схватив микрофон, сделал скорбно-сопереживательное лицо. — Поехали.

Заработала камера. Яша начал говорить, не совсем отдавая себе отчет в том, что именно он говорит. Но слова лились как бы сами собой, практически независимо от сознания, и по потеплевшему взгляду оператора, по поднятому вверх большому пальцу Яша понял, что все идет нормально.

— ...По словам местных, то есть чеченских, специалистов, сторело около тысячи тонн нефти...

И тут Яша вспомнил все.

Абсолютно внезапно он осознал, почему ему снились стеклянные глаза и деньги и, главное, почему ему вдруг захотелось в Лихтенштейн.

Яша возвращался в Москву вместе со съемочной группой ОРТ. На него вначале очень оскорбились за неадекватное поведение перед камерой, а также за то, что в порыве вдохновения он, оказывается, перепутал половину названий. Но, прослушав душещипательный рассказ о его мытарствах в чеченском плену, сразу простили и пытались поить водкой.

Яша, ссылаясь на ослабленное в плену здоровье, практически не пил: голова должна оставаться свежей. Он обязан убедиться, что все всплывшее накануне из глубин памяти не бред зеленой кобылы, а достоверная информация.

В ту ночь, когда он состязался с Назаром, в той же комнате между хозяевами-чеченцами произошел любопытнейший разговор. Яша, разумеется, выглядел, как бревно, и потому на него не обращали внимания, кроме того, говорили по-чеченски.

Однако какая-то часть воспаленного Яшиного мозга бодрствовала, и, видимо, в этой же части сосредоточились его немалые познания в чеченском языке. Теперь, чтобы ничего не напутать, Яша пытался вспомнить все, что он слышал, но всплывали только обрывки фраз:

«Мажидов украл деньги у народа и Джохара...»

«У Мажидова стеклянный глаз...»

«Много миллионов лежат в Лихтенштейне...»

«Глаз — это ключ к сокровищам...»

«Мажидов — предатель...»

«Собаке собачья смерть...»

«Аллах велик...»

«Джохар отец...»

«Бисмиллах...»

«Аллах акбар...»

Впрочем, последние утверждения вряд ли имеют отношение к делу.

Мажидова Яша знал. Тот был влиятельным полевым командиром из ближайшего окружения Дудаева и, судя по всему, погиб вместе с Джохаром. Но до того он украл много миллионов «зеленых» денег и положил их в Лихтенштейнский банк. Мажидов, как многие великие полководцы, был одноглазым, и каким-то образом его стеклянный глаз открывает доступ к сейфу или счету. Но Мажидов погиб, и миллионы теперь ничьи.

Яша даже вспотел от напряженной умственной работы.

Ясно одно — он стал обладателем ключа от квартиры, где деньги лежат. И было бы неразумно им не воспользоваться.

7

Она просидела в одиночке двое суток. Затем ее снова перевели в шестнадцатую камеру.

Вера потеряла в темноте счет времени. Ей все время было холодно, бил озноб, раскалывалась голова, саднило в горле. Попад в нагретый, влажный воздух общей камеры, в первую минуту она почувствовала себя счастливой.

Оглядевшись по сторонам, Вера выбрала из общей массы заключенных женщину лет сорока, с более-менее внушающим доверие лицом. Она сидела, по-турецки поджав под себя ноги, и с отрешенным видом вязала на спичках вместо спиц что-то из розовой шерсти. Шерстяной пуловер с одним распущенным рукавом, послуживший, видимо, источником нитей, валялся у нее в ногах.

Вера подошла поближе и спросила у нее:

— Простите, какое сегодня число?

Женщина подняла глаза и посмотрела на Веру.

— Двадцатое.

— Двадцатое марта?

Она кивнула. Вера вспомнила про свое лицо и спросила, не найдется ли у нее зеркальце? Но женщина отрицательно покачала головой:

— Зеркало не разрешается иметь. Отбирают.

У Веры хватило сил удивиться: почему?

— Не знаю. Может, бояться, что с его помощью просигналить можно морзьянкой на улицу или кому горло перережут. Или себе вены, — пожала плечами собеседница, настороженно глядя на Веру.

Другие женщины, слышавшие их разговор, с любопытством поглядывали в их сторону. Они еще помнили, как нелюдимо повела себя Вера, сразу появившись в шестнадцатой камере, и ее сегодняшнюю разговорчивость воспринимали с ехидной усмешечкой: что, мать, все-таки поучили тебя уму-разуму? пришлось свою фанаберию отбросить да заговорить с людьми?

— Здесь ведь свободных мест нет, а как же все спят? — спросила Вера, растерянно озираясь.

Женщина опять оторвалась от вязания и посмотрела на нее.

— А ты откуда взялась? — вопросом на вопрос ответила она. — Почему без вещей?

— У меня ничего нет. Меня прямо так привезли. Мне нужно найти место, где бы прилечь. Я плохо себя чувствую.

— А почему тебе ничего не передали? Тут все в своем, казенного не выдают. Одежда, подушки тоже нужны свои.

Только сейчас, когда женщина разговорилась, Вера заметила у нее легкий акцент, похожий на прибалтийский, литовский или латышский. Она даже вспомнила, как во время переключки охранник называл одну прибалтийскую фамилию.

— Никто не знает, что я здесь, — объяснила Вера, думая только об одном: как бы не упасть здесь без сознания и не грохнуться головой об угол нар.

В ушах шумело, перед глазами плыли черные круги. Она даже плохо понимала, что говорит.

— Можно присесть рядом с вами? Только подремать...

Женщина убрала розовый джемпер.

— Ложись пока. Как тебя зовут?

— Вера. Кисина Вера, — опускаясь на нагретый тюфяк, покрытый клетчатым байковым одеялом, пробормотала она.

Голова, как налитая чугуном, сама валилась на кучу тряпья, вместо подушки сваленного в изголовье. Она даже не спросила, как зовут ее собеседницу. Подтянув колени к подбородку, Вера не уснула — провалилась в пустоту...

...Только неугомонная активность Ленки, которая готова была разрываться напополам ради себя и подруги, помогла Вере более-менее благополучно закончить восемь классов. Сразу же после выпускных экзаменов Ленка уехала в Москву поступать в Суриковский художественный институт. Вера отправилась вместе с ней. О том, чтобы самой поступать куда-нибудь в тот год, и речи быть не могло. Сначала нужно было присмотреться, подготовиться... Да Вера и не знала толком, куда ей приткнуться с незаконченным средним образованием?

Вере достаточно было уже того, что поступила Ленка.

— Мы добились, мать! Ты представляешь, мы добились! — орала счастливая Ленка в день после зачисления. — Одно место в общежитии у нас уже есть. Где проживу я, там проживешь и ты. Что-нибудь придумаем. Домой к бабке-яге я тебя не отпущу!

Так началась безумная жизнь троим: Вера, Ленка и соседка-вьетнамка Тху — в крохотной комнатке суриковской общаги на Таганке. На шести квадратных метрах жилой площади умещалась доставшаяся по наследству от гречанок-старшекурсниц двухъярусная детская кровать, на которой спали миниатюрная вьетнамка и невысокая толстая Ленка, далее следовал встроенный стенной шкафчик, где хранилась их одежда, чемоданы, обувь, этюдники, подрамники с холстами, краски и еще куча всякой всячины, одну стену занимал стеллаж, где стояло и лежало все остальное, а также в комнате еще имелись тумбочка и один стул. На оставшемся клочке не занятого мебелью пола днем ходили, стояли, работали, плясали, а ночью расстилали тюфяк, на котором спала Вера. Вьетнамка почти не говорила по-русски, поэтому лишних вопросов: а кто такая Вера? а почему она здесь живет? — не задавала. С соседками по блоку, жившими в смежной комнатке, проблем тоже не возникало, это были две веселые кубинки, любившие поплясать и потусоваться, их девизом было «чем больше народа, тем веселее». Остальным Ленка представляла Веру как свою младшую сестру. Старушки на вахте общежития на приходящих смотрели сквозь пальцы — все-таки творческий вуз, это вам не МИФИ какой-нибудь. Постепенно все вахтерши привыкли видеть Веру, принимали ее за первокурсницу и студенческий билет или пропуск не спрашивали. В общем, жилось им с Ленкой в тот год замечательно. Вера и теперь с ностальгией вспоминала те времена как самые лучшие в жизни. Она впервые попала в окружение людей образованных, развитых. Как говаривала Ленка: «Тут самый последний бухарь и тусовщик может в будущем оказаться Ван Гогом».

Времена были еще дешевые, пропитаться на Ленкину стипендию вдвоем они могли, да еще талантливая умнющая Ленка принаровилась расписывать для иностранцев пасхальные деревянные яйца «под Палех». Знакомый колумбиец Луис, учившийся в Суриковском на третьем курсе, предложил ей как-то нарисовать пару яиц со Спасом, Георгием-Победоносцем или с Владимирской Божьей Матерью. Он собирал такие яйца по всем своим знакомым халтурщикам и, выезжая приблизительно раз в два месяца куда-нибудь в Швецию, Германию или Испанию, продавал их там за большие деньги (конечно, для тех времен), потому что, возвращаясь, щедро расплачивался со своими «поставщиками». За одно такое яйцо с известной русской иконой «на фасаде» Ленка выручала до пяти долларов.

Вера принаровилась ей помогать. Выточенные из дерева болванки яиц они покупали на Измайловском вернисаже и вскоре смогли раскрутить дело на полную катушку, отдавая Луису зарап по пять — восемь яиц. Сдавая потом вырученную валюту по черному курсу тому же Луису или еще кому-нибудь из знакомых иностранцев, они могли на эти деньги и в ресторане иногда пообедать и купить что-нибудь красивое и давно желанное: кожаные туфли, шелковую косынку, французскую пудру и духи...

Вера чувствовала себя птичкой, попавшей из клетки в райский сад, где на свободе летают и поют ее сородичи. Ей было за кем тянуться, с кем соревноваться в начитанности, элегантности, остроумии... И, отряхнувшись и почистив перышки, она принялась во всем подражать окружающим, чтобы никому и в голову не пришло, что на самом деле она всего лишь маленький воробышек, вырвавшийся из клетки...

...Она проспала раздачу обеда, но перед ужином литовка ее растолкала:

— Эй, ты! Проснись, иди поешь.

Чувствуя страшную ломоту во всех костях, Вера едва смогла повернуться на бок. Голова не отрывалась от подушки.

— Что такое?

— Ужин раздают. Тебе надо поесть. Подымайся, пока они не ушли, иди получи свою порцию.

Вера села. Опустив голову, тупо смотрела в пол, ожидая, пока туман перед глазами немного рассеется. За дверью гремели ведра и бидоны, в камере кисло запахло разваренной квашеной капустой. С трудом поднявшись, она поплелась к двери занимать очередь у раздаточного окошка. Получив в руки жирную алюминиевую миску с ложкой, воткнутой в непонятную желтую массу, и кружку с едва теплой жидкостью, Вера вернулась на нары к своей единственной знакомой. Та уже съела свою порцию и теперь заваривала в кружке настоящую крупнолистовую заварку, аккуратно высыпая ее из бумажного пакетика. Вера некоторое время апатично наблюдала за ее движениями, не притрагиваясь к еде, потом незаметно ложка за ложкой проглотила содержимое тарелки, не ощутив ни вкуса, ни запаха.

— Спасибо, что пустила меня поспать, — сказала она.

Женщина молча кивнула — ладно, мол.

— Мне совсем плохо было. Кажется, умерла бы, если бы не полежала хоть час. Меня Верой зовут, — представилась она, забыв, что уже говорила собеседнице свое имя. — А тебя как?

— Рита.

— А где ты взяла кипяток? — спросила она наконец.

— Там.

Женщина кивнула в сторону. Там, на единственном свободном пятчке пространства между нарами, сгрудились женщины. На полу стояли мутные от накипи банки, кружки с водой. У кого-то был самодельный кипятильник: два лезвия, перекрученные проволочкой, и провод. Его по очереди опускали в банку и кипятили воду. Кто-то уже мыл голову, наклонившись над грязной раковиной в углу и пользуясь вместо шампуня маленьким кусочком темного хозяйственного мыла. Другие, собравшись в кружок, заваривали чифирь. Над верхними нарами были протянуты веревки, на них развешивали выстиранное нехитрое белье...

— За сигарету Алка тебе нагреет кружку, за две — литровую банку.

Вера покачала головой:

— У меня ничего нет.

— Ну, если хочешь, попроси, может, она тебе в долг нагреет. Когда получишь передачу — отдашь. Ты сама куришь?

— Нет.

— Ну вот. Тебе лучше. Отдашь ей потом сразу пачку.

— Мне, наверное, никто ничего не передаст, — вдруг осознала Вера. — Никто не знает, что я тут. Нет, мне не на кого рассчитывать.

Новая знакомая посмотрела на нее со смешанным выражением удивления и недоверия.

— У тебя что, на свободе никого нет? Ни родственников, ни друзей? Ведь кто-то же должен быть? Друзья, мужик?..

Вера пожала плечами. Покачала головой:

— Родственников нет. Близких то есть. Я с ними уже лет пятнадцать не поддерживаю никаких отношений. Да и то, что за родственники: бабка, ей уже лет восемьдесят, да двоюродные... Нет, я всю жизнь сама по себе жила. Вот как из дому после восьмого класса уехала...

То ли после ужина она почувствовала себя лучше, то ли к ночи поднялась температура, только на Веру вдруг нашло лихорадочное возбуждение. Ей хотелось говорить, двигаться, делать что-нибудь...

— Что ты вяжешь?.. Можно посмотреть?.. Красиво получается. А джемпер ты тоже сама вязала?.. Это что за нитки, ангора? А я так и не научилась ни вязать, ни шить. Даже простую пеленку застрочить не могла. Все у меня вкривь и вкось, строчка кривая, нитка рвется, машинка забивается и встает. Свекровь, Юлия Моисеевна, конкретная такая путевая москвичка, смотрела-смотрела, стиснув зубы, как я ее «Зингер» доламываю, под конец не выдержала, сама села и застрочила единственному внуку пеленочки. Семь штук, по одной на каждый день, представляешь? По ее мнению, ребенок должен был по часам писаться и какаться, а я сразу же должна эту пеленку простирнуть, прокипятить, отутюжить и его перепеленать. — Вера истерично рассмеялась.

Слезы выступили у нее на глазах.

— У тебя дети есть? — кивнула сочувственно Рита.

— Сын один. Уже тринадцать лет скоро будет.

— Так что ж ты говоришь, что никого там нет? А что же муж?

— Да ну, ты что, разве в такой малахольной семейке можно было долго жить? Мы разошлись, сыну еще трех годиков не было, — махнула рукой Вера. — Черт знает, где он теперь, я его последний раз видела лет пять назад. Он за границу уезжать собирался. В приступе щедрости сломанный цветной телевизор предлагал забрать, чтобы малыш мог развиваться, мультики по цветному смотрел. Старый «Рубин» весом в полтонны, представляешь? Я бы только на такси из одного конца Москвы в другой потратила бы ровно половину того, сколько новый телевизор стоит, да на ремонт кинескопа еще столько же! Послала его на хер, так он еще обиделся — почему я отказываюсь от его помощи?

Литовка, оттаяв от ее рассказа, заулыбалась.

— Давай свою кружку, — предложила она Вере, наливая чай. — Все на наших плечах лежит, и мужика накормить, и детей на ноги поставить, одеть-обуть. Все мы должны жилы рвать, тянуть на себе мешки... Разве они могут так, как мы? Ох, Господи, сволочи неблагодарные все. Пока ты едешь, не спишь, не ешь, каждую копейку сохраняешь, он там еще романы крутит, кобелина, цветочки своей суке покупает на детские деньги.

— А у тебя сколько детей? — спросила Вера.

— Трое! Младшей в июне три годика исполнится, а старший школу в этом году кончает, и черт знает, куда его потом приткнуть? Учиться не хочет, на работу у нас тоже не легко устроиться.

— А ты откуда? Из Литвы? По акценту чувствуется...

— Да, — с усмешкой отмахнулась Рита, — сама-то я из-под Брянска, там родилась, да вот тоже, дура, студенткой была, выскочила девчонкой замуж за своего Жильвинаса, осталась в Литве жить. Вот за двадцать-то лет уже и говорить стала, как они... Всю душу мне выел, сволочь! Было бы мне на кого младшую спихнуть, давно бы плюнула на него и ушла, так не с кем дите оставить, а я же каждый месяц в Россию ездила... А твой-то малой с кем, пока ты тут? — с сочувствием глядя на Веру, спросила она.

— Ей-богу, не знаю. Надеюсь, что догадался подруге моей позвонить, когда я пропала. Я ведь как ушла на работу, так больше домой и не вернулась. Неделя уже прошла.

— На фирме прямо арестовали? — понизив до шепота голос, понимающе закивала Рита. — Тут много женщин таких, как ты, которых прямо с работы и привезли. Я раньше в другой

камере сидела с одной женщиной, бухгалтершей, тоже на фирме работала. Так она, бедная, первые дни просто аж на стенку кидалась, мы ее валерьянкой отпаивали... Их начальник, говорит, смылся со всеми деньгами, а к ним залетает инспекция, а они и сами ни о чем не знали, пришли, как обычно, на работу с утра...

— Нет, я не на фирме, — тоже шепотом заговорила Вера. — Я на телевидении работала, диктором.

Сказала и тут же пожалела, настолько ей самой показалось странным и неубедительным, чтобы «женщина из телевизора» — ухоженная, всегда причесанная и покрашенная, в костюме с иголки, — вдруг оказалась на тюремных нарах. Но Рита отнеслась к этому с житейским пониманием:

— На телевидении? Ишь ты... Там у вас тоже черт-те что творится. Листьева вон убили. Хороший был мужик, видный. Все в подтяжках ходил. Правда, или нет, будто его жена в этом замешана была? Вроде бы в газетах писали... Там у вас небось про это все знают?

Некоторое время обе женщины были поглощены разговором о Листьеве, о телевидении вообще и в частности — какой бразильский сериал сейчас идет по первому каналу и чем кончился предыдущий?

— Все-таки узнал он или нет, что эта сучка, молодая жена, изменяла ему с приемным сыном той итальянской сестры? Так мне этот фильм нравился, но я уже сюда как попала, так и не знаю, как они все там развязались? Ты не знаешь?

По счастью, Вера смотрела отрывками тот фильм, о котором спрашивала Рита, и смогла пересказать, что случилось с героями в последних сериях.

— Это ты здесь уже полгода? — прикинув в уме, когда закончился этот сериал, спросила она. — И долго тебе еще?..

Она не договорила, как-то язык не поворачивался произнести: «Долго тебе еще здесь сидеть?» Но Риту вопрос не покоробил.

— Сидеть сколько еще? А Бог его знает. Следствие уже закончилось, вот все суда жду, а ваши-то суды переполнены, судья то в отпуске, то еще что... Некоторые по году ждут.

И, заметив, как вытянулось у Веры лицо, поспешила ее утешить:

— Ты не переживай. Вот как следователь разрешит тебе передачи приносить, пускай твоя подруга тебе все передаст, что нужно: свое одеяло, подушку, чай, сахар, сало. Я тебе все потом подробно назову, что нужно. Не стесняйся у нее просить. От тюрьмы и сумы, как говорится, не зарекайся. Потом ей все отдашь...

Рита говорила просто, убедительно, и успокоенная ее рассудительным тоном Вера стала понемногу приходить в себя, осмысливать создавшееся положение. Взглянув на вещи реально, она подумала, что не все — сплошной безвыходный кошмар, как показалось ей в первые минуты в тюрьме.

Она решила, что рано или поздно, но ее обязательно вызовут к следователю. Потому что как ни ужасна действительность, все-таки это не роман Дюма, и Бутырка не остров, а она не граф Монте-Кристо, который мог сидеть двадцать лет без суда, ни разу не повидавшись с прокурором... И хотя в жизни происходят вещи и пострашнее выдуманных трагедий, но все-таки они происходят по каким-то реальным законам. Значит, рано или поздно ее вызовут к следователю. Ей должны сказать, почему она здесь, в чем она обвиняется. Этой же процедуре подверглись все, с кем она находится в одной камере, так почему же она, Вера, должна стать исключением?

«Там все и выяснится, — твердила про себя Вера. — У следователя все и выяснится, кто я и почему я оказалась здесь?.. Сейчас не тридцать седьмой год. Меня не расстреляют и не сошлют на Колыму без суда. Надо терпеть и ждать. Даже в самом плохом случае, если дело дойдет до суда — это будет нормальный, открытый суд с прокурором, адвокатом, народными заседателями... Разве теперь можно по ошибке осудить одного человека вместо другого? Нико-

гда! Я просто должна набраться терпения и твердить свое. Если расстраиваться и переживать, то можно сойти с ума. Тогда мне никто не поверит. Кто поверит полусумасшедшей истеричке? Нет, нужно быть спокойной, терпеливой и ждать. Все прояснится рано или поздно. Скорее поздно — надо ведь смотреть на вещи реально. У нас все делается медленно. Но все кончается, все имеет свой конец. Я отсюда выйду. Обязательно. И этот кошмар останется позади.

Сколько всего уже было в моей жизни? — думала она ночью, сидя на нарах рядом со спящей Ритой и стараясь сдерживать душивший кашель, чтобы не мешать спать новой подруге. — И голод был, и холод, и побои... Столько я всего пережила... И разве каждый раз мне не казалось, что это уже все, что хуже не может быть и после этого можно только взять и повеситься? Но в жизни все как в том старом анекдоте про оптимиста и пессимиста, которым Ленка в старые времена нередко меня утешала: идет пессимист и плачет, что все ужасно, ужасно, просто хуже не бывает, а оптимист бодро бежит рядом, хлопает его по плечу и орет: бывает! Бывает и хуже!»

И разве это не правда? Разве она не пережила все и не выкарабкалась, выбилась в люди, построила свою жизнь если и не совсем так, как мечталось, то и не так, как все могло бы быть, не убеги она вовремя из дома, не окажись в Москве, не встретись ей на пути Ленка и другие хорошие, полезные люди?... И в новой жизни ей приходилось не сладко, разве не так? Тем не менее все кончилось, превратилось в воспоминания или забылось, рассыпалось в прах.

Например, ей казалось, что она никогда не забудет своего мужа Гаврика, как звали его на тусовке, а в миру просто Сашу Кисина. Казалось: Господи! Разве можно это забыть? Сколько от него вытерпела унижений, сколько историй пережила, если бы хватило тогда терпения все записать, то можно было бы теперь составить целый роман...

...Подружки ахали и уши развешивали, когда, возвращаясь в общагу после очередных приключений с Кисиним, она выплакивалась им в жилетку. «Верка, ты с ума сошла! Как ты можешь терпеть, чтобы с тобой так обращались? Ты просто мазохистка!» — «Нет, — с горечью качала она головой, чувствуя себя в своих страданиях невообразимо более развитой и интересной, нежели ее неизменные подруги по медучилищу — трезвые и здравомыслящие девахи из Подмоскovie, не переживавшие в своей жизни ни с кем ничего подобного. — Нет, я его просто люблю».

В медучилище она поступила на следующий год после своего приезда в Москву. Поступила благодаря необузданной, страстной, немислимой и непростительной своей любви к великовозрастному бездельнику и начинающему наркоману Саше Кисину, с которым познакомилась на Арбате.

Ну, это она теперь так скептически описывает и Кисина, и себя — малолетнюю идиотку с широко распахнутыми глазами: «Как, ты знаешь английский? Вот здорово! А ты можешь перевести на русский эту песню «Пинк Флойда»?.. Гениально!»

Когда они познакомились, Кисин выглядел вполне-вполне: высокий, стройный мальчик в потертых голубых джинсах, с кудрявым черным «хаером» до плеч, стянутым в хвост кожаным ремешком. Тонкое интеллигентное лицо, печальные еврейские глаза, отличный голос. Играет на гитаре на Арбате и поет малоизвестные тогда песни Вертинского: «Я не знаю, зачем и кому это нужно, кто послал их на смерть недрожавшей рукой...» Вокруг стайкой сидят девчонки-хиппушки, все в фенечках и в расписанных «пацификами» джинсовых жилетках, пожирают его влюбленными взглядами. Народ останавливается, слушает, бросает в шляпу рубли и мелочь. Всем кажется, будто Гаврик сам сочинил эту песню и что речь идет об «афганцах». Собрав необходимую сумму, Гаврик прекращает концерт, высыпает деньги из шляпы в расшитый бисером кожаный «ксивник» и без доли наигранности, с чувством собственного достоинства раскланивается перед публикой... Стайка хиппушек срывается с насиженного места и, облепив Гаврика плотным кольцом, удаляется с ним в сторону Калининского...

Той весной, в апреле, Ленка продавала на Арбате свои этюды маслом, завалившиеся с первого семестра. Ей до лета нужно было кровь из носа насобирать шестьсот рублей на поездку в Грецию. Уже в начале первого курса она познакомилась со своим будущим мужем Димитрисом, тоже студентом Суриковского, после Нового года у них завертелся роман, а на летние каникулы Димитрис пригласил Ленку поехать в гости к нему домой в Афины. Долларов, вырученных на продаже раскрашенных яиц, на это дело уже не хватало. Ленка вдруг стала прижимистой, экономила каждый рубль, и отношения между ней и Верой, и без того натянутые из-за мелких постоянных стычек на почве быта, стали трещать по швам.

Вера вдруг почувствовала, что стала ей в тягость. До и то, вспомнить жутко, как они ютились весь тот год втроем в крошечной комнатенке, где нужно было еще и учиться, и работать... Вера все чаще стала уходить из общаги, бродить целыми днями по Москве, а то и оставалась ночевать у кого-нибудь из знакомых хиппи. Именно то время она вспоминала теперь, как самое для себя опасное, когда она слепо ходила по самому краю пропасти, и только чудо спасло ее тогда, не позволив свалиться. Может, этому причиной было и то, что в тот год она неожиданно для себя начала захаживать время от времени в храмы.

В поселке, где она жила у бабки, своей церкви не было. Когда нужно было креститься или венчаться, то приходилось нанимать машину и долго ехать через степь в центр, в единственную в районе церковь. Это было безобразное, непонятной архитектуры здание с колокольной, забитой листами ржавой жести. Рельефные кресты на фасаде были зачем-то выкрашены темно-коричневой половой краской, как и фундамент, и кирпичные столбы ограды вокруг, и жирно оттенены по краям блестящей, как смола, черной эмалью. Кто придумал так «отремонтировать» несчастный храм, для всех осталось загадкой. И только оказавшись в Москве, Вера смогла по-настоящему разглядеть и оценить красоту, величественность и уют русских церквей.

Вначале она заходила туда просто из любопытства, как в музей или картинную галерею, но вскоре ей наскучило просто стоять столбом в притворе и глазеть по сторонам на верующих. Хотелось принимать участие в происходящем загадочном действе наравне с остальными. Постепенно наиболее лояльные старушки, не глядевшие косо на ее джинсы и не шипевшие: «Платочек надо на голову надевать!», обучили Веру нехитрому этикету поведения в церкви: как правильно заходить в храм, как перекреститься, как, войдя, подойти приложиться к иконе, поставить свечку... Не задумываясь над сложностью таинств, Вера стала приходить к самому началу служб и уходить вместе со всеми в конце. Так же, не задумываясь, она стала носить крестик, хотя не была уверена, крещеная она или нет?

Спросить было не у кого. С бабушкой она не поддерживала связи, да и не могла: ездить домой ей было незачем, а писем бабушка не читала и не писала, она была неграмотная. Двоюродные братья, в детстве лупившие Веру чем попало, отнимавшие последний кусок, подаренный сердобольными соседями или школьными учителями, ее судьбой и подавно не интересовались. Мать бросила ее еще в детстве, выйдя замуж в Нальчике за какого-то нерусского, кажется чеченца, и тот сразу же после свадьбы увез ее к своим сородичам в деревню. Вскоре муж поставил ее матери условие: Веру отдать на воспитание бабушке, хочет — с его стороны, хочет — с ее стороны, но чтобы девочка жила отдельно от молодоженов — таков их, горский, обычай, если мужчина берет в свой дом женщину с ребенком.

Вере в то время было пять лет, и она вспоминала сейчас те события очень расплывчато, как ряд ярких картин: беленый приземистый длинный дом в деревне, окруженный высоким каменным забором... Почти никаких деревьев в саду перед домом. Жара, пыль, солоноватая питьевая вода... Повсюду много лошадей, баранов и диких злых овчарок, не разбирающих ни взрослого, ни ребенка. Одна укусила Веру за запястье правой руки, до сих пор на том месте у нее остался светлый, едва заметный шрам.

Потом мать села в поезд и повезла ее «в Россию», как все об этом говорили. В поезде было тесно и душно, они почти все время стояли, даже ночью, потому что все места были

заняты. Вера помнит, что спала стоя, опершись животом на нижнюю полку — сидевшая на той полке черноволосая нерусская девушка в золотой косынке подвинулась и освободила Вере немного места. В России они еще долго ехали автобусом от станции по проселочной дороге, пока не приехали в поселок к бабке, и там Вера осталась на всю жизнь.

Поначалу ей в поселке очень понравилось: много детей на улице, все с ней играют. Соседки приходили, сидели в кухне, пили чай, долго судачили с бабкой о Вере, о ее матери и ее первом муже — Верином отце, которого она вообще не помнила. Вера сидела вместе с ними, на лавке под окном, и важно слушала взрослые разговоры. Она запомнила только то, что ее отец тоже был нерусский и, со слов бабки, хоть и любил очень сильно ее мать, но жениться на ней никак не мог, потому что «по их законам у него уже была с детства невеста из своих», и если бы он женился на русской, то его за это могли бы даже убить. Но он, несмотря ни на что, все-таки женился на Вериной матери — вот так он ее любил... Вере очень понравилась эта история, она запомнила ее на всю жизнь, и хотя, став взрослой, понимала, что, скорей всего, бабка выдумала все от первого слова до последнего, но и других сведений о своем отце она тоже не имела. Поэтому и продолжала повторять бабкину легенду. Единственным подтверждением, что не все в легенде было враньем, служило ее отчество — Александровна, вписанное в свидетельстве о рождении поверх зачеркнутого Аслановна, и девичья фамилия, которая у Веры была материна, доставшаяся от первого мужа...

Она не злилась на мать за то, что та ее бросила. Она понимала, что по-своему мать сделала правильный выбор, отправив дочку жить в Россию, а не оставив у местных. Черт знает, как бы еще там сложилась Верина судьба? Даже если бы мать нового мужа не тиранила приемыша (а Вера была убеждена, что та закутанная во все черное молчаливая женщина, которую она видела один раз в жизни после материной свадьбы, отнеслась бы к ней очень хорошо), то какое будущее ожидало бы ее там? Выйти замуж лет в пятнадцать за местного джигита, нарожать ему орду детишек, взвалить на плечи огромное хозяйство, скот, огороды? Или прожить всю жизнь одинокой, быть при чужой семье, нянчить чужих детей?

Нет, мать правильно сделала, что отправила ее в поселок к своей матери, где жил еще ее женатый брат со своей семьей. Она не к чужим отправляла Веру — к своим, уверенная, что там будет кому о ней позаботиться. Видимо, она оставила бабке и кое-какие деньги на Верино содержание, потому что вскоре после того, как она приезжала, дядька Володя — старший бабкин сын — неожиданно для всех в поселке купил «Жигули». Сама Вера этого не помнила, но когда подросла, то не раз слышала от соседок, что все в поселке тогда шушукались, спрашивали, на какие такие деньги вечно пьяный Володька мог приобрести машину? Бабка всем соседкам рассказывала, будто на самом деле ее Володька выиграл в лотерею мотоцикл, взял деньгами, добавил все деньги с книжки и купил машину. Кто-то ей верил, кто-то нет... А через некоторое время пьяный дядька, возвращаясь поздно вечером с рыбалки, сбил машиной человека на шоссе. Дядьку посадили на три года. «Не иначе Бог наказал, — шушукались снова поселчане, — на краденые детские деньги добра не купишь...»

Вот, может быть, с того самого времени бабка и начала Веру мучить. Перед соседками она еще делала вид, будто относится к ней хорошо, но стоило чужим выйти, как начиналось: «Байстрючка! Дармоедка! Да откуда ты навязалась на мою голову? Хоть бы сдохла скорее да развязала мне руки...» Перед соседками и бабка, и тетка, жена дядьки Володи, сажали Веру за стол вместе со своими детьми, говорили с ней ласковыми масляными голосами, зато все остальное время она только и слышала: «Сколько ты можешь жрать, ненасытная твоя морда? Все жрет и жрет, все тянет со стола и тянет. Тут своих не прокормить, а еще эта на нашей шее сидит!» Двоюродные братья и сестры, а их у тетки было пятеро, исподтишка лупили Веру кулаками, отбирали печенье и конфеты, которыми ее угощали соседки, а вскоре, заметив, что взрослые им не запрещают этого делать, стали над Верой измываться открыто: толкали в навоз, плевали ей в тарелку. Тетка только ухмылялась, на это глядя. Если соседки и вмешивались,

то она находила оправдание: «Так что ж мне со своими малыми делать, если они балуются? Не лупасить же за это?»

Чтобы соседи не замечали, что Вера вечно ходит голодная и избитая, бабка однажды запретила ей выходить на улицу играть с чужими детьми. Играть разрешалось только в своем дворе с двоюродными братьями и сестрами, а у тех все игры сводились к одному: как еще сегодня будем мучить малую? Один раз Веру привязали к дереву и обстреливали комьями земли, пока кровь не пошла у нее из разбитого носа. Другой раз ее пытались, посадив в ведро, опустить на цепи в колодец, и только сосед, прибежавший на ее истошный визг и плач, помешал теткинским детям осуществить этот план.

Когда Вера пришла в первый класс, учительница ничего про нее не знала, потому что сама жила на другом конце поселка. Увидев в своем классе худенькую, бледненькую девочку с испуганным выражением на мордочке, учительница захотела сделать доброе дело.

— Твоя фамилия Малашкина? — спросила она. — А Марина Малашкина, наверное, твоя родственница?

— Да, — едва дыша, прошептала Вера, не смея даже покоситься в сторону крепкой, высокой теткиной дочки, сидевшей за соседней партой.

— Марина твоя сестра?

— Двоюродная! — наперебой закричали дети, знакомые с Верой. — У нее никого нет, она с бабкой живет. Маринка ее двоюродная сестра.

— Ну, тогда вы, наверное, хотите сидеть за одной партой? — улыбнулась учительница. — Не бойся, Вера, бери свою сумку и пересаживайся к сестре.

— Не хочу я вместе с Веркой сидеть, она дура! — обиделась Марина.

Класс засмеялся.

— Ничего-ничего, — сказала учительница, — Вон как Вера боится, что впервые пришла в школу, а ты девочка храбрая, как я вижу, ты будешь сестренке помогать.

И сколько пришлось пережить Вере, прежде чем учительница заметила свою ошибку и пересадила Марину на другую парту! Она и толкала Веру под локоть, когда класс должен был писать крючки и буквы, и кнопки ей на стул подкладывала, и чернилами обливала ее тетрадки. А дома бабка впрягала Веру в работу по хозяйству:

— Выросла уже, в школу пошла, хватит без дела по дому шлаться, иди помогай мне картошку копать!

Нет уж, никогда больше Вера не переступит порог бабкиного дома! Даже ради спасения собственной души. И то чудо, что ей удалось из него вырваться. Лучше уж в Москве где-нибудь на чердаке тусоваться с компанией, по крышам удирать от милиции, недосыпать, недоедать, но чувствовать себя свободной.

И вот в апреле того года Вера и встретила Гаврика. Познакомила их Ленка.

Почти каждый день после занятий Ленка приезжала на Арбат, чтобы попытаться продать свои картины. Она всегда занимала одно и то же место, и почти каждый вечер на противоположной стороне собиралась небольшая толпа послушать импровизированный концерт мальчика в голубой джинсовой куртке, с отрешенным видом певшего под гитару неизвестные песни.

Надо заметить, что к тому времени Ленка отошла от прежнего восхищения тусовочной жизнью. Ее хипповские взгляды претерпели довольно сильную трансформацию, и на этой почве между ней и Верой все чаще стали происходить трения. Например, Ленке уже не нравилось курить папиросы «Дымок» или щеголять, как прежде, в сандалиях советского производства и с джинсовой торбой за плечами, сшитой из старых штанов, обзывая «мажорами» всех прилично одетых молодых людей. Как только у нее появились деньги, тут же появился и вкус к красивым дорогим шмоткам, а постепенно и сами шмотки: хорошие джинсы, кожаные кроссовки, пара импортных белых футболок... И конечно, Ленке уже не нравилось, как раньше,

носить свою одежду «напополам» с Верой. Достаточно, как ей казалось, и того, что она отдает Вере свои старые вещи.

Если бы тогда они вместе пережили успех, одновременно устроились, встали на ноги, то и дружбу им, скорее всего, удалось бы сохранить на всю жизнь. Однако в то время как перед Ленкой замаячила возможность уехать за границу, когда у нее появился богатый (как им казалось по тем временам) поклонник, Вера совершенно не представляла, что ей делать со своей жизнью, куда приткнуться с ее дипломом о неполном среднем образовании, как удержаться в Москве, ведь Ленка достаточно прозрачно намекнула, что на следующий год они с Димитрисом решили жить вместе и что пора Вере подыскивать себе другое пристанище. Прошло с тех пор много лет, обе они оказались неплохо устроены с материальной стороны, обе по-своему сделали карьеру, а вот прежних дружеских отношений между ними не складывалось.

Жизнь развела их в разные стороны. Ленка так и не окончила институт, уехала с Димитрисом в Грецию сразу после его защиты. Там они жили не в Афинах, а в небольшом курортном городе. Они снимали дом, Димитрис работал художником в открыточной фирме, а Ленка, помыкавшись пару лет без работы, устроилась в конце концов гидом и переводчиком в тургентство, принимала русские группы и в разгар сезона, с мая по октябрь, зарабатывала до двух тысяч долларов в месяц. Детей у нее не было.

А потом несолоно хлебавши Ленка вернулась из Греции, где, как оказалось, есть далеко не все, и их отношения приобрели другой оттенок. Димитрис бросил Ленку с легкостью, когда на горизонте замаячила какая-то Федора, на пять лет моложе, местная и лишенная славянской специфики, что для грека, видимо, самое то. К тому же его родители были руками и ногами «за». В мгновение ока Ленка оказалась без квартиры, без вида на жительство, с чемоданом тряпья, двумя сотнями долларов от щедрот мужа и авиационным билетом экономкласса. По счастью, Ленкины бестолковые родители в свое время все-таки успели подсуетиться и прописать ее к древней московской родственнице. И, вернувшись в первопрестольную, она стала обладательницей двадцатиметровой коммуналки почти в самом центре. И, если разобраться, больше ей было ни к чему: чтобы вести нехитрое хозяйство, разводить на подоконнике гладиолусы и рыдать о «поломатой» жизни в плечо единственной подруги, много места не требуется.

8

В Москве Яшу ждала пропахшая пылью холостяцкая квартира, переполненный, раздувшийся от газет, корреспонденции и массы рекламных листовок почтовый ящик и вопиюще пустой холодильник.

Не успел он захлопнуть за собой дверь, как в нее настойчиво постучали. Если стучат, значит, свои — звонок у Яши был с причудами, и тот, кто хоть раз им воспользовался, впредь предпочитал стучать.

На площадке стоял сосед Андрюха Корольков в пижаме и домашних тапочках, помаргивая подслеповатыми глазками. Руки он спрятал за спину.

— Яш, я так рад, что ты вернулся. — Не вынимая рук из-за спины, он просочился в квартиру и прижался к стене.

— Что нужно? — Яша был не слишком любезен, но на то были свои причины. Андрей довольно неплохо зарабатывал в строительной фирме, но тем не менее регулярно являлся кланчить деньги на бутылку водки. Хобби у него было такое.

— Понимаешь, тут ко мне вчера водопроводчик приходил... — неуверенно начал Андрей.

— И?

— У тебя случайно нет бутылочки?

— Случайно нет, — отрезал Яша, не совсем понимая, какое отношение имеет вчерашний водопроводчик к сегодняшней водке.

— А двадцать пять рубликов?

— Андрюха, ты достал. Нет у меня двадцатки.

— Яш, ну ты ж меня знаешь, ну я же отдам, — канючил Андрей.

— Знаю... к сожалению.

Пенкин молча оттер соседа в коридор.

— Яш, а может, у тебя хоть очки есть? Разбил свои, понимаешь?

— Только черные.

— А сорок рублей на очки?

— Отдыхай, Андрюха, я занят, — нетерпеливо отрезал Яша и захлопнул дверь. Но сосед забарабанил снова.

— Яш, у меня ж письмо для тебя. Пляши... или лучше дай хоть десятку.

— Какое еще письмо? — недоверчиво переспросил Пенкин через дверь.

— Чмошник какой-то приходил, звонил. Я потом еще проводку вскрывал в коридоре из-за твоего долбаного звонка. Раза три являлся. Правда, потом уже стучал. Не то я бы ему точно морду набил. Я думал, твой друг, вышел, решил, стрельну у него двадцатку. А он не дал. Оказалось, судебный пристав. Вот тебе чего-то должен передать. Лично. Ну, я черкнул крестик в его бумажке, а на бутылку так и не дал, сволочь. А письмо я сберег, не затерялось, думал, ты обрадуешься...

Яша приоткрыл дверь ровно настолько, чтобы пролез конверт, и захлопнул снова. Сосед потоптался на площадке, обиженно вздохнул и отправился к себе.

В желтом конверте лежало отпечатанное на гербовой бумаге предупреждение:

«Гр. Пенкин Я. В. В случае очередной неявки на заседание суда без объяснения причин вы будете доставлены в зал суда приводом и за неуважение к суду приговорены к штрафу в размере 40 (сорока) минимальных окладов».

Яша достал из кармана куртки несколько измявшийся в дороге «наш ответ Чемберлену»:

«СПРАВКА

Дана Пенкину Я. В. в том, что с ... по ... он действительно находился в плену у членов бандформирования «Зеленое знамя», что подтверждается наличием следов побоев и ссадин на теле и конечностях.

Начальник управления милиции г. Грозный Кабиров Р. Ш.»

Яша не забыл выклянчить эту странную бумажку в милиции Грозного. Против такой бумаги не попрешь. Облезут со своими сорока окладами. Узника чеченских... сараев вздумали обидеть. Нет уж, на других наживайтесь.

Яша принял душ, переоделся и практически почувствовал себя человеком. Теперь бы съесть чего-нибудь, килограмма эдак полтора, и соснуть часиков тридцать. Но прежде чем окончательно обрести себя, нужно позвонить в Центробанк и договориться об интервью...

На автоответчике призывно горела лампочка, уведомляя о наличии сообщений. В период своего не такого уж долгого отсутствия Яша пользовался недюжинной популярностью — кассета в автоответчике была записана под завязку. Он перемотал пленку и, устроившись в кресле, закурил.

— Яша, это Света. Мы же договаривались встретиться, а ты не пришел. Позвони.

— Яша, это снова Света... — он, не дослушав, промотал пленку.

— Пенкин! Где материал о пресс-конференции? Не появишься в редакции сегодня же, уволью, к чертовой матери.

«А матерьяльчик-то пропал вместе с казенной камерой», — с досадой подумал Яша и пожалел, что не обзавелся второй справкой для телевизионного начальства. Ничего, ксерокопией обойдутся.

— Пенкин! Ты прекрасно знаешь, кто звонит. Я из-за тебя, как идиотка, в одиночестве парилась на этой чертовой презентации. Ты же сам напросился.

Дальше Яша уже не снимал палец с кнопки перемотки.

— Яша, это Каролина. Мне скучно. Позвони в любое время, я еще не сплю...

— Пенкин, я тебя таки уволью, подлец...

— Это твоя рыбка...

— Яков, я тебя последний раз предуп...

— Яшенька, это Лена. Жду твоего звонка уже неде...

— Привет. Это Марина. — Он хотел было мотать дальше, но голос был незнакомый, и Яша решил дослушать. — Я сразу хочу сказать, что все про тебя знаю и не боюсь. Извини, что все тогда так получилось, но я не могла тебе помочь. Я очень хотела, но не смогла. Позвони мне. Не молчи, пожалуйста.

Яша любил, чтобы женщин было много, по настроению и на все случаи жизни. С одними он просто спал, с другими было приятно поговорить или появиться в обществе. Попадались и такие, кому хотелось обжить его холостяцкую берлогу. Тогда в квартире начиналась грандиозная перестройка с выбрасыванием кучи хлама, холодильник наполнялся всякими вкусностями, и каждый вечер его ждали мягкие тапочки и заботливые расспросы о работе. Но это быстро надоедало, и Яша сознательно шел на разрыв, иногда со скандалом и даже дележом совместного имущества, нажитого за недолгие недели совместной жизни.

Если полистать его телефонную книжку, то можно было насчитать до трех десятков женских имен. И это только те, с кем Яша знакомился вне работы. Но ни одной Марины, как ни странно, среди них не было.

Он прослушал сообщение еще раз. Все равно ничего — голос совершенно незнакомый, о чем речь, непонятно.

Когда он последний раз действительно нуждался в помощи? Да еще и плакался об этом женщинам? Нет, ну конечно, в Чечне он бы, пожалуй, не отказался, чтобы какая-нибудь большеглазая красотка утешила его, прижав к своей груди, да и от любой другой помощи тоже. Но кто знает об этом? Какая еще Марина?

Черт, а ведь как раз там-то и была Марина. Та самая одалиска в бандитском логове, которая подавала еду и приносила водку, этот трижды клятый «Абсолют». А при воспоминании об этом случае у Пенкина в горле появилось пренеприятнейшее ощущение, и ему пришлось прогуляться в ванную.

«Но это же бред какой-то, — думал он, полоща рот. — Откуда она знает мой телефон, и даже если вдруг узнала, чего теперь-то об этом. Там надо было помогать, на месте. Да, бред это все. И голову ломать не стоит. Просто ошиблась девчонка номером. К тому же и «мессэдж» у меня на автоответчике безличный: «Меня нет дома. Я вам перезвоню». Вот она и решила, что звонит своему парню».

Пенкин решил выбросить этот звонок из головы и лег спать.

9

Длинными тюремными днями теперь Вера развлекалась тем, что пересказывала Рите всякие забавные эпизоды своей юности.

...Вера после занятий в училище иногда заезжала за Ленкой на Арбат, чтобы помочь ей собрать и дотащить до общаги на Таганке холсты в тяжелых рамах. В один из таких вечеров она и застала подругу, пьющей жигулевское пиво в обществе незнакомого молодого человека с гитарой.

— Это Гаврик, — представила его Ленка. — Это Мышка, — назвала она Веру ее тусовочным именем.

Гаврик благожелательно кивнул ей и предложил отхлебнуть из своей бутылки. Вере это понравилось, — в тусовочных кругах, да в то время, подобный жест считался верхом джентльменства.

Тем временем вечер плавно перерастал в одно из тех безумных мероприятий, какими была полна их жизнь в то время: когда вокруг них собралось еще человек пять старых арбатских знакомых, кто-то вспомнил, что сегодня та самая ночь, когда Воланд устраивает бал весеннего полнолуния, и тут же родилось предложение лезть на крышу того дома на Патриарших, где «квартирка номер пятьдесят», пить там коньяк. Ленка, несмотря на свои новые взгляды любившая время от времени «пообщаться с пиплами», отправилась вместе со всеми. Гаврик взвалил на свое плечо ее огромную брезентовую сумку с картинами, а Вера удостоилась чести нести его гитару...

Поиски коньяка по ночной Москве превратились в путешествие, полное совершенно идиотских приключений, как-то: попытки проникнуть в бар ресторана «Интурист», поездки в таксопарк, где тогда шла бойкая нелегальная торговля водкой, и приобретение там бутылки водки в обмен на джинсовую куртку «Левис»... Когда им удалось наконец купить бутылку болгарского бренди «Слынчев бряг» с черного хода в ресторане Театра на Малой Бронной, то оказалось, что к этому времени компания разделилась на две группы, и Гаврик с Ленкой присоединились к желающим идти купаться голыми в Чистых прудах. Вере пришлось плестись за ними и ждать на скамейке под липами, чувствуя досаду на себя, неспособную на такие смелые поступки, как купание голышом под луной, и одновременно содрогаясь при мысли, что сейчас всю их полуголую пьяную компанию заметят сквозь жиденькую зелень бульвара жители окрестных домов и вызовут милицейский патруль.

Зато под конец вечер вознаградил ее сторицей: выкупавшись, но не протрезвев, Ленка широким жестом пригласила всех желающих ехать продолжать веселье к ним в общагу Суриковского. Согласился поехать один Гаврик. Они добрались на такси до Товарищеского переулка и, проникнув в общагу, сразу же отправились в гости к Димитрису, потому что Ленка наобещала им дать попробовать какой-то особый греческий куриный суп.

У Димитриса в тот вечер собрались на вечеринку земляки. Ворвавшись, как буря, Ленка сразу же уволокла Димитриса на общую кухню в коридоре «варить суп», и оба они там пропали на полночи. Вера с Гавриком остались вдвоем в незнакомой компании. Греки тихо переговаривались между собой и под музыку какого-то Ангелопулоса распивали сухое красное вино, не забывая угощать и вновь прибывших, и в результате Вера напилась допьяна и, отбросив обычную скованность, проговорила с Гавриком до утра «за жизнь», сидя рядом с ним на низеньком раскладном стульчике в предбаннике блока...

Так начался их роман, продлившийся пять лет и окончившийся закономерным разводом, как и большинство тусовочных романов, но благодаря которому Вере удалось окончить медучилище и получить диплом фельдшера.

Когда восемнадцатилетний недоросль Саша Кисин привел домой молоденькую девчонку и объявил родителям, что они любят друг друга и в будущем собираются пожениться, его мама Юлия Моисеевна очень трезво отнеслась к ситуации. Объяснялось это просто: ничего хорошего от своего Саши она давно уже не ожидала. По крайней мере, решила она, обзаведясь подружкой, Саша перестал неделями пропадать неизвестно где и таскать все лекарства от эфедрина до димедрола из домашней аптечки — и на том спасибо.

Сейчас Вера могла отдать должное свекрови, — та поступила с ней по-своему благородно. Конечно, Юлия Моисеевна не могла допустить, чтобы неизвестная девчонка-сирота прописалась в их квартире, но Юлия Моисеевна была проректором в Щукинском, где учился Саша, и она сделала все, чтобы Вера тем же летом получила временную студенческую прописку в общежитии своего медучилища. К сентябрю для Веры и Саши была устроена в общежитии отдельная комната. Деньгами им родители не помогали, но оба они всегда сдавали сессию на повышенную стипендию, — за этим тоже стояла свекровь.

На третьем курсе Вера забеременела. Юлия Моисеевна настаивала на аборте, и в том, что Вера решилась-таки сохранить ребенка, была единственно Сашина заслуга. Всю жизнь зависимый от матери и так же всю жизнь пассивно бунтовавший против нее, Кисин совершил единственный в своей жизни мужской поступок: женился на Вере и убедил ее не делать аборт. На этом, правда, его запал и иссяк. Он снова стал колотиться, пропадать на тусовках, умудрился одарить беременную жену «канарейкой», как ласково называли известную венерическую болезнь, — на шестом месяце Вере пришлось лечиться в кожно-венерологическом диспансере... Кисин клялся, что это вышло случайно, что, пока он лежал в отключке после дозы, его буквально изнасиловала малолетняя нимфоманка... Вера верила, прощала, терпела. Надеялась, что после рождения ребенка все изменится. Ничего, разумеется, не изменилось, только хуже стало, потому что она повзрослела и перестала мириться со многими вещами.

Между ними начались скандалы. Пока Вера молчала и со всем мирилась, она была для Кисина «хорошей», как только она почувствовала за собой право что-то требовать от мужа — он взбунтовался против нее точно так же, как привык бунтовать против матери. Любая, самая невинная, ее просьба воспринималась Кисиным как страшное давление, поправление его свободного «Я». Вера просила его посидеть десять минут с ребенком, пока она разогревает детское питание на плите в общей кухне общежития, — Кисин демонстративно сваливал в гости к знакомым девчонкам в соседний блок. Вера возвращается в комнату: все двери открыты, кожаные куртки на вешалке у двери висят, кошелек на столе валяется — заходи кто хочешь, бери что хочешь, — и пятимесячный Димка в коляске надрывается от плача. А Кисин в это время спокойно сидит в соседней комнате, окруженный, как индийский бог Кришна, кружком девиц, и задумчиво проповедует им под гитару, что-де: «Сидя на красивом холме, я часто вижу сны, и вот что кажется мне: что дело не в деньгах и не в количестве женщин, и не в старом фольклоре, и не в новой волне...» — и восторженные девицы его чаем со стуженкой потчуют...

Нет, долго это продолжаться не могло. Хотя в некоторых семьях такая жизнь длится годами, десятилетиями... А вот она не побоялась в двадцать один год оказаться буквально на улице с трехлетним ребенком на руках, без прописки. Разве легко ей было? Нет, но она выкабалась. Отступить было некуда — вот в чем секрет. Кисин мог, чуть что, поджечь хвост и уползти обратно к мамочке, а у нее за спиной ничего и никого не было.

Те же подружки, что раньше сокрушались и сочувственно кивали, выслушивая ее жалобы, теперь все, как одна, встали на сторону Кисина: ты что! как это ты бросишь мужа, он же отец, ты одна не справишься!.. Они не понимали и не замечали самого главного: Вера в какой-то момент почувствовала, что Кисин висит на ней пустым грузом, балластом, который ей приходится тянуть на себе вместе с ребенком, учебой, работой и остальными проблемами. И в один прекрасный день она поняла, что без него ей просто станет легче.

«Я была как человек с гангреной руки или ноги. Если вовремя не решиться и не отрезать, то начнется заражение крови. Не отруби я вовремя все концы с Кисиним, так и сгнила бы с ним заживо, да еще и ребенок мучился бы. А так — да, тяжело было заново учиться жить и двигаться, сначала будто на костылях, потом будто на протезе... А потом уже шпаришь вперед без оглядки, чем больше работаешь — тем лучше себя чувствуешь, дни так и мелькают, и только диву даешься: неужели была у меня другая жизнь? На что я тратила лучшие годы? Выискивала обколотого мужа по девкам? Экономя копейки, на кислом молоке оладьи у плиты жарила по полдня? Портила себе здоровье, скандаля со свекровью из-за пригоревшей кастрюли? Тьфу!»

Они спали по очереди на одних нарах. Вера теряла счет дням. Все дни были похожи один на другой, как два пятака, ей казалось, будто прошла тьма времени с тех пор, как она попала в шестнадцатую камеру. Веру все еще не вызывали к следователю, но, поскольку такая задержка никого из ее сокамерниц не удивляла, Вера старалась не волноваться. Но это получалось плохо. Все чаще и чаще она вспоминала тот случай у ее подъезда. И тот телефонный звонок...

Контролер уже два раза заходил в кабинет и делал знаки, что пора и честь знать, гражданин адвокат. Засиделись, мол.

— Ну хорошо, — сказал я наконец, — мне пора. А завтра, гражданка... — я запнулся, не зная, как ее назвать, — в общем, завтра мы продолжим наш разговор.

Она встала. Пока она рассказывала, глаза ее изменились. Из тусклых, почти мертвых они превратились в глубокие, темные, и что самое главное — в них появилась надежда. И надежда эта, как ни крути, была связана с моими действиями как защитника. Может, это и есть самое главное в профессии адвоката — давать людям надежду? Может быть. Я еще не совсем разобрался.

— Я вас прошу, Юрий Петрович, — тихо сказала она, поднимаясь с табурета, — я вас очень прошу. Заклинаю. Узнайте, что с Димой.

— Скажите, а у вас есть родственники, близкие знакомые, друзья, которые могли бы подтвердить что вы — это вы?

— Ну конечно. На телевидении все — Петр Шовкошитный, например, потом, Лена, моя старая приятельница, она живет на Солянке в коммунальной квартире — дом 12, квартира 3. Если на то пошло, то и мой бывший муж, и его мать... Может быть, к нему отправили Диму? Мне бы этого очень не хотелось.

— А родственники?

— Нет. У меня нет родственников.

— Я понимаю... Сделаю, что могу. А пока — до завтра.

И ее увели. Перед тем как выйти из кабинета, она обернулась и мельком глянула на меня. Черт его знает, меня, конечно, нельзя назвать «людоведом», но что-то было в этом взгляде такое... Не может так смотреть человек, который «лепит горбатого» своему адвокату.

10

Я вышел из Бутырки через три часа в полном расстройстве чувств. То, что рассказала моя подзащитная, не поддавалось никакому логическому осмыслению. Конечно, если все это было правдой. Но с другой стороны, история слишком фантастична, чтобы оказаться выдумкой. Такого либо просто не может быть, либо...

Говорят, что любая криминальная история имеет прецедент. Иными словами, обязательно что-то похожее уже где-то бывало. Но в моей следовательской практике ничего подобного не случалось. Надо будет спросить у Турецкого: его опыт несоизмеримо больше моего...

Жаль, я по ночам не смотрю телевизор. Иначе была бы надежда на то, что я когда-либо видел эту Зою... то есть, возможно, Веру. Так и запутаться недолго.

Вернувшись домой, я набрал номер телефона больницы, в которой, по словам Генриха Розанова, лежал Барщевский. Надо же в конце концов выяснить, почему он ни разу не встретился со своей (а теперь моей) подзащитной.

Дежурная в регистратуре пошелестела листами журнала и ответила:

— Барщевский Валерий. Выписался.

— Как? — удивился я.

— Как, как, — разозлилась медсестра, — выписался, и все. Вчера еще.

Я позвонил ему домой. Опять автоответчик.

Интересно. Ну ладно, завтра поеду к нему сам.

Не могу сказать, что я так сразу поверил путаному и противоречивому рассказу Зои-Веры. Звонки, избиение у подъезда, похищение, больница, пластическая операция, заточение в тюрьму — все это было скорее из дешевого детектива, которых сотни на лотках у каждой станции метро, чем из настоящей жизни. Но с другой стороны, она так убедительно рассказывала каждую деталь... Хотя у человека в тюрьме времени много, чтобы напридумывать всяких небылиц.

В любом случае именно мне предстоит докопаться до истины.

Что ж, будем докапываться. Неужели в конце двадцатого века в столице можно вот так взять и выдать человека за другого и засадить в тюрьму? Нереально. И кроме того, со времени моей следовательской практики в голове всплывали смутные воспоминания, что у каждого действия или преступления должен быть мотив. Или причина. Пытаясь найти этот мотив в рассказе Зои-Веры, я пока что терплю полное фиаско. Посудите сами. Если бы она кому-то мешала жить или совершила преступление, зачем надо ее сажать под другим именем? Если же она не совершила ничего, то тем более это лишается смысла.

Тьфу! Бред какой-то! Государственные органы в нашей стране еще функционируют, телевидение никто не закрывал. Ну не может быть, чтобы я не смог идентифицировать живого человека!

С этими мыслями я закончил этот день и решительно отправился в постель. Спустя три минуты я крепко спал.

Однако долго спать мне не пришлось. Где-то около часа ночи раздался телефонный звонок.

— Алло, — я поднял трубку с намерением послать подальше того, кто звонит и мешает моему законному отдыху.

Но делать это я не стал. Потому что из трубки раздался голос, пожалуй, единственного человека, которому я позволял звонить в любое время дня и ночи. Это была моя сестра Валя. Или, как ее называли в нашей семье, Вава.

Вава вела беспокойную жизнь. Несмотря на более чем банальное место работы (рядовой проектный НИИ), анекдотичную зарплату, довольно типичную для Москвы внешность (золотые кудри, курносый нос, голубые глаза) и наличие трех детей, Вава, как вода, постоянно пребывала в одной из трех фаз: влюбленности, безоблачного счастья с любимым человеком или разрыва с оным, со всеми вытекающими последствиями. Романы шли один за другим. Объектами привязанностей моей сестры были самые разные люди, самых экзотических профессий — полярник, летчик-истребитель, китаевед, капитан подводной лодки, директор кладбища. Насколько я помню, Вава ни разу не повторилась.

Складывалось впечатление, что ее жизнь представляла собой череду женских романов в ярких мягких обложках, которые она очень любила и которых у нее уже скопилось не меньше сотни. Романы в жизни Вавы развивались в точном соответствии с теорией драматургии: завязка, развитие основного конфликта, кульминация и развязка. Вава окуналась в свои романы безоглядно, с головой, и всегда доводила их до логического завершения. «Открытых» финалов у нее не было. Она любила определенность. Вава чувствовала себя главной героиней и вела себя соответствующим образом.

Надо сказать, промежутков между ее бурными романами почти не было. Вава не имела привычки терять время понапрасну. Она работала на износ.

Моя сестра обладала еще одним свойством. Завершив очередной роман, она испытывала жгучее желание поделиться всеми его подробностями. К писательскому труду она считала себя неспособной, подруги ей тайно завидовали, поэтому рассказывать им она давно перестала. Оставалась одна жертва — брат, то есть я. Меня Вава считала благодарным слушателем (видимо, так оно и было на самом деле), и поэтому примерно раз в полгода после очередного расставания она звонила мне и обрушивала груды эмоций, переживаний, впечатлений и тому подобного. Отказать я ей в этом не мог. И, замечу в скобках, сам тоже иногда, конечно реже, делился с Вавой подробностями собственных скромных романов.

Вава не звонила мне уже семь месяцев. И вот час пробил.

— Все, — сказала она радостно возбужденным голосом, — я его бросила.

— Кого? — спросил я, усаживаясь на кровати поудобнее и доставая новую пачку сигарет: разговор предстоял не меньше чем на полночи. Вообще-то я не курю, но ради таких случаев всегда вспоминал старую привычку.

— Эдика, — торжественно объявила Вава, — моего серпентолога.

— Кто? — переспросил я.

— Серпентолог. Ловец змей. О-о, какой это был мужчина! Сильный, высокий, загорелый — постоянно в песках, в пустыне, где водятся кобры. Бесстрашный!

— Еще бы, — вставил я, закуривая, — со змеями общаться — это тебе не шуточки. А почему же ты его бросила?

— Понимаешь, — вдруг погрузилась Вава, — он меня все время называл «моя маленькая гадюка».

— Ты должна быть рада, — заметил я, — что может быть лучше и милее для серпентолога, чем ядовитая змея?

— Ты прав, Юрик. Но лучше послушай, как все начиналось...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.